

НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВА

ЗАВТРАК С ПОЛОНИЕМ

КТО ОТРАВИЛ ПОЛОНИЕМ
ПЕРЕБЕЖЧИКА ИЗ ФСБ?

Наталья Николаевна Александрова

Завтрак с полонием

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=169197*

*Завтрак с полонием : АСТ, АСТ Москва, Хранитель; М.: 2007
ISBN 978-5-17-043315-5, 978-5-9713-4875-7, 978-5-9762-2976-1*

Аннотация

Кто отравил в Лондоне перебежчика из ФСБ, смерть которого привела к громкому международному скандалу?

Правоохранительные органы Великобритании и России ведут расследование независимо друг от друга – но никак не могут прийти к конкретным результатам.

И тогда высшее руководство нашей страны поручает давно вышедшему в отставку сотруднику спецслужб неофициально расследовать дело об отравлении.

Кто же стоит за убийством?

Террористы-ваххабиты?

Представители крупного криминального бизнеса России, осевшие в Англии?

Влиятельные политики, которых убитый, по слухам, шантажировал?

Или кто-то еще?..

Читайте сенсационный политический триллер Натальи Александровой!

Содержание

7 декабря 2006. Москва, Кремль	4
Часть первая	6
11 декабря 2006. Санкт-Петербург	6
11 декабря 2006. Москва, Кремль	19
14 декабря 2006. Лондон	37
15 декабря 2006. Лондон	58
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Наталья Александрова

Завтрак с полонием

7 декабря 2006. Москва, Кремль

Президент поднял трубку аппарата внутренней связи и коротко бросил:

– Патрушева ко мне.

Генерал был в Кремле, и долго ждать его не пришлось. Не прошло и пяти минут, как секретарь доложил о его приходе, и на пороге кабинета появился крупный, высокий человек. Человек, в силу специфики своей работы не так часто, как другие руководители страны, появляющийся на телевизионных экранах и на первых страницах газет. Директор ФСБ, постоянный член Совета безопасности РФ, генерал армии Патрушев.

Генерал нервничал.

Он догадывался о причине вызова.

Президент жестом предложил ему сесть, окинул долгим испытующим взглядом. Затем выложил на стол несколько фотографий и спросил:

– Николай Платонович, что вы знаете об этом?

Патрушев придвинул к себе снимки.

Бледное лицо, лысый, туго обтянутый пергаментной ко-

жей череп, приклеенные к коже медицинские датчики.

– Перебежчик... бывший сотрудник управления охраны... друг Борзовского...

– Газеты я тоже читаю, – недовольно проговорил президент. – Меня интересует, что лично вы знаете об этой истории. Как директор Федеральной службы...

– То же, что все, – ответил Патрушев, подняв глаза на президента. – Если вы хотите знать, не имеет ли моя служба отношения к этим событиям, – ответ отрицательный. Мы тут ни при чем.

– Это даже хуже, чем я думал, – вполголоса проговорил президент, тасуя фотографии, как игральные карты. – Это значит, что вы либо не контролируете своих людей, либо не владеете всей полнотой информации, либо... либо не считаете нужным довести эту информацию до меня.

– Владимир Владимирович! – Генерал приподнялся. – Как вы могли подумать... все, что мне известно об этом деле, я немедленно довожу до вашего сведения!

– Вот как? – Президент побарабанил пальцами по столу и наконец произнес: – Вы свободны.

Часть первая

11 декабря 2006. Санкт-Петербург

Павел проснулся от собственного крика.

Снова, который уже раз, ему снился тот же самый сон.

Все тот же сон.

Он бежит по лестнице, перескакивая через ступеньки, задышавшись, взбегает на четвертый этаж, врывается в квартиру и видит кровь. Кровь повсюду. Кровь на стенах, кровь на полу... кровавый след, тянущийся по коридору и исчезающий за дверью ванной. Он распахивает эту дверь и видит лужу крови на полу и задернутую шторку.

Он уже знает, что увидит за этой шторкой, но не решает-ся, не может ее отдернуть. Его руки словно наливаются свинцом...

И он снова просыпается от крика.

Просыпается, рывком садится на кровати и молча смотрит в темноту.

Прошло уже восемь лет. Ровно восемь лет. И он все еще не может избавиться от этого сна. Он все еще просыпается от собственного крика, с дрожащими руками и раскалывающейся от боли головой.

Кто он в конце концов — мужчина или жалкое ничтоже-

ство? Неужели он не может избавиться от власти прошлого?

Павел поднимается, пошатываясь идет в ванную и становится под обжигающе горячие струи.

Пять, десять минут под горячим душем – и он станет человеком...

После душа он становится человеком, не так бьется сердце, не так темнеет в глазах, можно забыть о проклятом сне. Чтобы в квартире не стояла гнетущая тишина, он включает телевизор и попадает на новости:

«Продолжается следствие по делу Алексея Литовченко. Бежавший в 2000 году в Великобританию и получивший в октябре этого года британское гражданство бывший подполковник ФСБ Литовченко скончался двадцать третьего ноября в больнице Университетского колледжа Лондона. Как уже говорилось, первого ноября Литовченко поступил в больницу с диагнозом отравление. Напомним, что в этот день у Литовченко было две встречи – в японском суши-баре „Итцу“ и в баре отеля „Миллениум“. Уже в больнице Литовченко дал интервью, в котором прямо обвинил в своем отравлении спецслужбы России...»

Павел нажал кнопку выключения и бросил пульт на стол. Затем выпил кофе, съел бутерброд с розовой резиновой «Докторской» колбасой и посмотрел на часы.

Уже одиннадцать.

Время отправляться на работу.

Павел работает ночным извозчиком – ночью больше платят, да и все равно у него проблемы со сном.

Он садится за руль своей «девятки» и выруливает на проспект.

Работа ночного водителя требует внимания и знания людей. Нужно издалека оценить пассажира, понять, не будет ли с ним проблем.

Например, он издалека узнает наркоманов – по неуверенным, суетливым движениям, излишне порывистым жестам. Узнает и никогда не останавливается, даже когда совсем нет пассажиров. Потому что с наркоманом никогда не знаешь, чего ждать. Может и прирезать за гроши, если ему не хватает на дозу. Зато слегка выпившего человека он подсаживает охотно – выпивший, как правило, щедрее трезвого...

Какая-то девочка по радио тоненьким пронзительным голоском допела про любовь, и пошли новости этого часа:

«Алексей Литовченко умер двадцать третьего ноября от болезни, вызванной отравлением полонием-210, редким радиоактивным элементом, который обычно изготавливают на специализированных ядерных предприятиях. В теле Литовченко обнаружена большая доза этого яда. Вещество обычно вызывает смерть при проникновении внутрь организма с пищей или при вдыхании.

В Великобритании начато официальное расследование смерти Алексея Литовченко, но министр внутренних дел страны Джон Райд попросил воздержаться от поспешных выводов, кто может быть обвинен в убийстве бывшего подполковника ФСБ, критиковавшего политику Кремля».

– Эй, водила, подвези в Сертолово! – Павел не успел отъехать, потому что очередной пьяненький клиент замешкался и двое парней уже держали дверцу.

– За город не поеду! – буркнул Павел.

– Да нам и не надо! – Второй парень, постарше, зыркнул нехорошо на своего товарища. – Нам тут, рядышком, на Комендантский.

Павел промолчал, и тогда вынырнул из темноты третий парень, увешанный сумками и коробками. Багажник Павел открывать не стал, трое втиснулись в салон со своим скарбом.

– Друга вот встретили, – пояснил старший, – а машина сломалась.

Ага, как же, друга они встретили. Небось обчистили квартиру какую-нибудь, а машину рядом оставлять не хотели, чтобы не светиться. А может, и вправду их развалюха не завелась в нужный момент. У таких уродов не может быть приличной машины. Да ему-то все равно, какого олуха они там обокрали. Небось пожадничал на хороший замок, за то и поплатился. Дорогой замок эти ведь тоже открыть не в состо-

нении, для этого такая отмычка нужна, они все трое, вместе взятые, дешевле ее будут.

На всякий случай Павел потрогал спрятанную монтировку. Хотя эти его не тронут, им сейчас шум ни к чему.

– Который дом? – спросил он, притормаживая. – К подъезду подвезти?

– Сами дойдем, – ответил старший из парней, протягивая деньги.

Отъезжая, он видел, что они никуда не пошли, выжидали, чтобы ловить следующую машину, конспираторы хреновы.

Женщина остановилась на переходе и оперлась о столб светофора. Потом собралась с силами и неуверенно подняла руку. Павел тормознул и открыл дверцу, не глуша мотор.

– Куда вам, мамаша?

И тут же споткнулся на полуслове – вовсе она ему в мамаше не годилась, не старая еще, просто понурая очень, поникшая от усталости. А скорее всего – от горя, вон она, больница-то, за углом. В такую пору только оттуда может приличная женщина идти.

– Мне недалеко, за полтинник поедешь?

– Тут и пешком дойти, – заворчал было Павел, но тут же усовестился. – Кто там в больнице – муж? – спросил он просто так, чтобы в салоне не было гнетущей тишины.

Женщина молча кивнула.

– Ну, может, поправится...

– Какое там, – отмахнулась она хмуро, – скорей бы конец... Сил нет смотреть на это.

И он понял, что она уже смирилась и оплакала мужа, и даже привыкла к этой мысли.

Он затормозил у нужного дома, женщина, шевеля губами, считала десятки. Павел молча вернул ей тридцать рублей.

– Да не надо, раз договаривались, вы ведь тоже на работе... – протянула она.

– Берите, я с других свое возьму!

Не прощаясь, она побрела к подъезду, ссутулившись и опустив плечи.

Девчонка выскочила из темного переулочка наперерез машине.

– Ошалела совсем? – крикнул Павел, едва успев затормозить.

– Подвези! – Она тяжело дышала, волосы были всклокочены, под левым глазом потеки туши.

– Тебя ограбили, что ли? – спросил он, выглядывая в окно машины.

Она молча рванула на себя дверцу. От резкого движения коротенькая шубка распахнулась, и Павел увидел, что девчонка абсолютно голая.

– Ого! – весело изумился он. – Слушай, я вообще-то на работе!.. Хотя ты, я так понимаю, тоже?

– Заткнись, сволочь! – прошипела она, ерзая на заднем

сиденье.

– Будешь ругаться – высажу! – посуровел Павел. – Так и пойдешь голой в Африку...

В зеркальце он видел, как девчонка деловито достала из сумочки лифчик, колготки, еще какое-то бельишко, напялила коротенькое платьице, кое-как расчесала волосы. Одна щека ее на глазах становилась больше другой.

– Кто ж тебя так? – не удержался Павел. – Клиент?

– Жена его не вовремя вернулась, – нехотя процедила девчонка, – а он, гад, про жену и словом не обмолвился, сказал, что один живет...

– Не повезло тебе, – согласился Павел, – и морду набили, и денег не дали...

Она шмыгнула носом.

– Слушай, у меня сто рублей всего, до Купчина довезешь?

– Ладно уж, что с тобой делать, – ухмыльнулся Павел, – в таком виде ты долго не пройдешь. Или отморозишь самое дорогое, или придурки какие-нибудь в машину подхватят, используют и выкинут в канаву, неизвестно, что хуже...

Обычная его работа, обычная ночная жизнь большого города... Павел выпил кофе в круглосуточном бистро, посидел немного за замызганным столиком, прикрыв глаза. Большая часть ночи уже прошла, скоро конец его смены.

На углу возле ночного магазина стояла, обнявшись, па-

рочка – высокая темноволосая девица в светлом пальто и бритый наголо круглолицый парень в черной кожаной куртке. Подъехав ближе, Павел понял, что парень здорово пьян, он не обнимал девушку, а висел на ней, не стараясь удержаться. Девушка придерживала его сама. Заметив машину Павла, она призывно подняла руку.

Что-то в облике парочки показалось Павлу подозрительным... Девушка интересная – высокая, стройная, а парень простоват. И одет не то чтобы бедно, но очень просто. Да еще и нажрался как свинья. На месте девицы он бы и возиться с таким не стал – бросил бы где-нибудь. А она чуть не на себе его домой тащит. Кто их поймет, этих женщин!

И он все же притормозил, распахнул дверцу.

– На Васильевский, шеф! – проговорил парень, втискиваясь на заднее сиденье. Девушка села рядом с ним, захлопнула дверцу.

– Куда на Васильевском? – уточнил Павел, отъезжая от тротуара.

– Угол Третьей линии и Большого.

Павел кивнул, набрал скорость.

С заднего сиденья доносился негромкий разговор.

– Что это Ленка говорила про Макарова? Неужели правда?

– Да слушай ее больше... только у него и дел...

Голос у парня был почти трезвым, даже непонятно, когда он успел протрезветь. И непонятно, где нажрался – в этом

задрипанном магазине, что ли? Там кафе рядом, но такая девица в то кафе и носа не сунет. Ох, не зря ли он подобрал эту парочку?

Однако двое на заднем сиденье вели себя тихо, парень даже устроился подремать. Девица не возилась, не визжала, сидела спокойно, видимо, задумалась о своем.

Затормозив на нужном месте, Павел с облегчением включил свет, полуобернулся к пассажирам:

– Приехали, ребята!

– Спасибо, шеф! – Парень протянул руку с деньгами, и в ту же секунду девушка вынула из сумочки что-то круглое, блестящее. Инстинкт предупредил Павла об опасности, он попытался перехватить руку пассажирки, но было уже поздно: в лицо ему ударила струя резко пахнувшей жидкости, и он потерял сознание.

Ступени, ступени, грохот крови в висках.

Дверь квартиры и кровь... кровь повсюду: на полу, на стенах, на дверной ручке... Павел распахивает дверь ванной...

И опять он пришел в себя от собственного крика.

И еще от холода.

Он полулежал в жестком кресле. Кресло мелко вибрировало, и эта вибрация болью отдавалась в висках. Во рту было сухо и горько.

Павел открыл глаза и увидел, что находится в кабине небольшого самолета. Он попробовал пошевелиться и толь-

ко тогда понял, что накрепко привязан к своему креслу прочными кожаными ремнями.

Впереди, над спинкой такого же кресла, виднелась круглая бритая голова. Павел вспомнил ночных пассажиров, блестящий флакон в женской руке, резкий химический запах...

– Какого черта! – проговорил он, ни к кому не обращаясь.

– Оклемался? – Бритый парень повернулся к нему, усмехнулся. – Приветствуем вас на борту нашего самолета! Мы летим на высоте девять тысяч метров, температура за бортом...

– Пошел ты! – прервал Павел шутника. – Знаешь, парень, должен тебя огорчить, но ты облажался!

– Это еще почему? – Круглая физиономия выразила недоумение и недоверие.

– Ты меня с кем-то перепутал. Я – рядовой бомбила, не олигарх и не английский резидент!

– Ну-ну, бомбила! – Парень усмехнулся и потянулся всем телом. – Отдыхай пока... скоро прилетим.

– Куда прилетим-то? – попробовал Павел прощупать почву.

– Там узнаешь.

Бритый парень отвернулся, утратив интерес к беседе, и, должно быть, задремал.

Павел тоже решил поспать, поскольку ничего другого сделать все равно не мог, но не успел заснуть, как самолет начал резкое снижение.

«Куда же меня везут? – думал Павел, перебирая возможные варианты. – Куда меня везут и с чем это может быть связано?»

Ошибку, случайность следовало отбросить сразу же. Не такие люди задействованы, чтобы перепутать объект похищения. Операция проведена достаточно профессионально, и самолет – не частная игрушка для богатых мальчиков, а небольшой военно-транспортный аппарат...

Тогда это связано с его прошлым.

С тем, что случилось восемь лет назад.

Сердце неровно, болезненно забилося, перед глазами замелькали кровавые пятна. Кровь на полу, кровь на стенах...

Резкое снижение высоты – и самолет коснулся шасси бетонного покрытия взлетно-посадочной полосы. Павел прикрыл глаза, делая вид, что спит, и ожидая развития событий.

– Приземлились, – сообщил ему все тот же парень. – Хорошие у тебя нервы, бомбила!

– Потому что совесть чистая, – отозвался Павел, открывая глаза.

– Ну-ну!

Парень отстегнул его правую руку от подлокотника кресла, надел на нее плоский стальной браслет наручников, второй браслет прикрепил к своему запястью, только после этого расстегнул остальные ремни и вывел Павла из салона самолета.

На трапе Павел огляделся. Они находились на каком-то

маленьком аэродроме. Было довольно холодно. Внизу возле трапа стоял черный «мерседес» с выключенными фарами.

Конвоир двинулся вниз по трапу, прикованный к нему Павел шел рядом. Из «мерседеса» вышел высокий мужчина лет сорока в хорошем черном костюме, шагнул навстречу. Бритый парень, не говоря ни слова, отстегнул браслет от своей руки, передал встречающему. Тот так же безмолвно принял его, пристегнул к своему запястью, втолкнул Павла на заднее сиденье машины.

«Мерседес», тихо рыкнув двигателем, сорвался с места.

– До чего все разговорчивые! – протянул Павел, поудобнее устраиваясь на мягких подушках.

Спутник не шелохнулся.

– Как я понимаю, спрашивать, куда меня везут, бесполезно?

Ответа снова не было.

Мимо окон мелькал ночной лес.

Они могли быть где угодно – в Архангельске или в Новгороде, в Вологде или даже в Хельсинки. Пожалуй, улететь слишком далеко от Петербурга они не могли – полет продолжался около часа.

Могли они быть и в каком-нибудь маленьком городке, где есть военный аэродром. Хотя, пожалуй, для маленького городка слишком хорошее дорожное покрытие.

Павел решил снова вздремнуть, но тут лес за окнамиступился, по сторонам шоссе замелькали ярко освещенные

рекламные щиты.

И очень скоро все сомнения рассеялись: они подъезжали к Москве.

Об этом говорили и названия на щитах, и широкие ровные дороги, и растущие по сторонам шоссе новостройки.

Водитель «мерседеса» включил мигалку. Ночные улицы проносились за окном – темные окна жилых домов, ярко освещенные ночные клубы и рестораны.

Они ехали в центр.

В самый центр города, в самый центр огромной страны.

11 декабря 2006. Москва, Кремль

«Мерседес» притормозил возле тускло освещенных Боровицких ворот, навстречу шагнул охранник в пятнистом комбинезоне, проверил документы водителя и отступил в сторону.

Шлагбаум поднялся. «Мерседес» въехал на территорию Кремля.

Спутник повернулся к Павлу, коротко бросил:

– Выходим!

– Разговорился! – усмехнулся Павел, выбираясь из салона.

Перед входом их ждали.

На этот раз Павла окончательно освободили от наручников. Более того, новые провожатые были достаточно вежливы, предупреждали его о крутых ступеньках, открывали перед ним двери, однако ни на какие вопросы по-прежнему не отвечали.

Его долго вели по длинным коридорам, тускло освещенным включенными через один светильниками, и наконец ввели в небольшую, почти пустую комнату. Здесь были только два кресла и низкий столик, с потолка лился ровный неяркий свет.

– Надеюсь, вас не нужно предупреждать о том, что каждое ваше движение контролируется, – проговорил один из

сопровождающих, прежде чем покинуть комнату.

– Да объяснит мне кто-нибудь, что происходит? – возмущился Павел.

Однако и на этот раз ему ничего не ответили.

Дверь закрылась.

Павел остался один.

Он обошел комнату по периметру, затем дважды пересек ее от стены до стены.

Ничего не происходило.

В комнате не было ничего, кроме двух кресел и стола, и никого, кроме самого Павла.

Наконец Павел уселся в одно из кресел и решил ждать.

В конце концов все должно как-нибудь разъясниться. Не зря же его вытащили из собственной монотонной, безрадостной жизни и привезли сюда...

Минуты шли за минутами, но по-прежнему ничего не происходило.

Павел расслабился, глубоко вздохнул...

И в это время дверь негромко скрипнула.

Он поднял взгляд... и вскочил, не веря своим глазам.

На пороге стоял человек, которого он когда-то встречал едва ли не каждый день. Человек, которого последние годы ему доводилось видеть только на экране телевизора и на первых страницах газет.

Президент.

– Сидите, Павел Николаевич! – Президент остановил его

жестом, улыбнулся одними глазами. – Сидите, а то моя охрана нервничает. Они настояли на том, чтобы видеть вас. Но не слышать – имейте в виду, наш разговор никто не слышит, кроме нас двоих.

Он опустился во второе кресло, некоторое время внимательно разглядывал Павла.

Павел справился с удивлением и наконец выдал из себя:

– Здравствуйте, Владимир Владимирович... я не ожидал... мне никто не сказал...

– Разумеется. – Президент снова улыбнулся одними глазами. – Они и сами не знали, куда вас везут и с кем вы встретитесь. Каждый человек отвечал только за свою часть операции. Иначе все это не имело бы никакого смысла...

Он снова помолчал и продолжил совсем другим тоном, деловым и суховатым:

– Мне нужен незасвеченный человек. Не связанный ни с одной из спецслужб. Но при этом достаточно профессиональный и, самое главное, надежный. Дело в том, что в сложившейся ситуации я совершенно никому не могу верить...

– Но почему я? – проговорил Павел. – Ведь вы знаете, что меня списали... отправили в отставку... вы знаете, что я едва избежал серьезного обвинения...

– Я все знаю. – Президент снова сделал рукой предостерегающий жест. – Я помню вас по Петербургу... вы были честным, порядочным человеком, а в этом отношении люди не меняются.

– Я изменился, – с горькой усмешкой ответил Павел. – Вся моя честность осталась в прошлом... она кончилась восемь лет назад. Точно так же, как и весь мой профессионализм. Нет, я не тот человек, который вам нужен. Я обычный таксист, точнее – ночной извозчик, мелкий бомбила, как сейчас говорят.

– Позвольте мне самому судить! – прервал его президент. – И выслушайте меня до конца...

– Как я могу не выслушать вас! – усмехнулся Павел. – Вы как-никак президент!

– Так вот... – Президент наклонился к Павлу через стол, несколько секунд исподлобья смотрел на него, словно пытаясь прочесть его мысли, наконец бросил на стол несколько фотографий: – Вы знаете этого человека?

Павел вгляделся в больное, изможденное лицо, обтянутое желтой пергаментной кожей.

– Я знаю, кто это, – ответил он, перекладывая снимки. – Сейчас это знает каждый. Для этого достаточно хотя бы изредка включать телевизор или развернуть любую газету. Бывший офицер ФСБ Алексей Литовченко, перебежчик... лично я его не знал.

– И это хорошо, – кивнул президент. – Иначе у вас были бы точки пересечения. Вас могли бы вычислить. А так – вы никому не известный человек, темная лошадка, ни с кем не связаны. У вас нет никаких засвеченных контактов. Поэтому вы можете отправиться в Лондон и выяснить, кто стоит за

его смертью...

– Вы же человек из Комитета! – удивленно проговорил Павел. – Вы прекрасно знаете, что раз попав в списки Управления кадров, я там буду числиться до самой смерти! Так что вычислить меня не представляет никакого труда!

– Говорю вам – не перебивайте! Все-таки у меня есть кое-какие возможности. – Президент усмехнулся. – Вы больше не числитесь в кадровых списках. Вас оттуда вычистили. Так что теперь вы – человек-невидимка, человек без прошлого...

– Без прошлого? – повторил Павел как эхо. – Нет, Владимир Владимирович! Я никуда не могу деваться от своего прошлого! И то, что вы вычистили меня из списков Управления кадров, ничего не меняет. Я не перестану каждую ночь видеть один и тот же сон! Не перестану снова и снова переживать то, что случилось восемь лет назад! Извините, но даже вы не властны над прошлым!

Он резко выдохнул, закрыл лицо руками и продолжил тихим, дрожащим голосом:

– Именно поэтому я работаю по ночам. Все равно мне не удастся заснуть, пока не вымотаюсь до последнего предела. И даже тогда... стоит мне закрыть глаза, как я снова и снова вижу лестницу, и залитый кровью коридор, и то, что я застал в своей квартире восемь лет назад...

Прошло восемь лет, но он помнил все так, как будто это случилось только вчера.

Тогда он работал в Управлении охраны УФСБ Петербурга, отвечал за безопасность нескольких политиков федерального уровня, находившихся на их территории. В частности, за безопасность известной женщины-политика, депутата Государственной думы.

В тот день ничто не предвещало трагедии.

Жена проводила его до лифта, поправила шарф, коснулась щеки легким прощальным поцелуем. Павел был счастлив.

Накануне она встретила его с работы загадочная, словно светящаяся изнутри.

– Ты была у врача? – Павел склонился над ней, бережно взял ее лицо в ладони, взгляделся в него.

– Угу! – Она смешно, по-детски наморщила лоб, опустила веки. – Шесть недель!

Павел обнял ее и закружил по квартире...

– Осторожнее! – завизжала она. – Поставь меня на место! Разве можно так обращаться с беременной женщиной!

Если бы он тогда знал... если бы знал!

В одиннадцать часов его подопечная, женщина-политик, должна была встретиться с адвокатом, который вел в то время громкий процесс, замешанный на больших деньгах и большой политике. Встреча была назначена в офисе адвоката на набережной Екатерининского канала.

Павел заранее проверил подходы к офису, отметил опасные точки – подворотню, проходной двор, выходящий на

Малую Конюшенную. Подворотню поручил Вале Елисееву, двор решил перекрыть сам. Ждал в машине прибытия объекта, привычно просчитывая возможные варианты событий.

И когда ему сообщили по переговорнику, что объект на подходе, резко, тревожно зазвонил мобильник.

На дисплее аппарата высветился номер жены.

Привычно просканировав взглядом набережную, Павел поднес телефон к уху.

С этого момента закончилась его жизнь, и начался кошмар, непередаваемый и непереносимый.

В трубке раздался голос Лены.

Но в этом голосе не было и намека на утренние счастливые интонации, голос жены дрожал от ужаса:

– Павлик, скорее... спаси меня! Скорее...

– Что, что случилось? – выкрикнул он, теряя рассудок от страха.

– Скорее... спаси меня... они меня убьют!

Весь его профессионализм как ветром сдуло. Голова, холодная и расчетливая, когда нужно было просчитать операцию, обезопасить подходы к объекту, расставить надежных людей в наиболее опасных точках, – эта голова начисто отказала. Он знал только одно: Лена в опасности. И не только Лена, но и их ребенок... их ребенок, которому еще только предстояло появиться на свет.

Павел затравленно огляделся по сторонам, вывернул руль...

– Эй, шеф, ты куда? – раздался в переговорнике голос Елисеева. – Какие будут указания?

– Валя, прикрой оба направления! – выпалил Павел. – У меня форс-мажор... потом объясню...

– Ты с ума сошел! – Елисеев был просто поражен. – Объект уже на подходе! Оттуда, где я стою, не просматривается подход со стороны проходного двора...

И тут в переговорнике раздался голос старого друга Алексея Самойлова:

– Павлик, что у тебя случилось?

– Алеха, с Ленкой беда! – выпалил Павел, выезжая на Невский. – Она просила о помощи...

– Я совсем близко. – В голосе Самойлова звучала тревога. – Если нужно, через пару минут подъеду...

– Прикрой меня, будь человеком!

– Ладно, не беспокойся. – Голос Самойлова становился глуше, переговорник работал на пределе досягаемости. – Не беспокойся, я беру все на себя...

Подъезжая к своему дому, Павел по очереди набирал номер домашнего телефона и мобильник жены, но ни тот ни другой не отвечал. Он выскочил из машины, даже не захлопнув дверцу, влетел в подъезд. Вызывать лифт не мог – беспокойство, страх не позволяли ему ждать лишнюю секунду, и Павел побежал по лестнице, спотыкаясь и перепрыгивая через ступеньки.

Дверь квартиры была не заперта.

Он толкнул ее и влетел в прихожую. В ту самую прихожую, где всего несколько часов назад прощался с Леной. В прихожую, по которой накануне он кружил ее, узнав счастливую новость.

Ничего не напоминало здесь о тех безвозвратно ушедших благополучных временах. Стены, пол – все было забрызгано кровью, и кровавый след тянулся в сторону ванной комнаты.

Павел пробежал по этому следу, распахнул дверь ванной – и застыл на пороге. Все здесь было залито кровью, а занавеска возле ванны была задернута. Нарядная пластиковая занавеска в цвет кафеля, по которой плыли рядами голубые дельфины.

Он хотел отдернуть эту занавеску – и не мог заставить себя сделать это, потому что уже знал, что увидит за ней.

Но потом подумал, что она, может быть, еще жива, что она истекает кровью и ждет помощи...

Он отдернул занавеску и издал хриплый, беспомощный крик, которым кричит раненое животное.

То, что лежало в ванне, уже не было его женой. Хотя это были ее волосы, ее губы, ее лоб, который она так смешно морщила...

Только вчера!

Если бы можно было перевести часы на двадцать четыре часа назад! Хотя бы на шесть часов! Он остался бы дома, защитил бы ее от всего мира, и ничего этого не случилось бы!

Павел сидел на полу и бился головой о край ванны.

Здесь его и нашел непосредственный начальник, подполковник Старостин.

Одним взглядом оценив обстановку, он нахмурился и гаркнул командным голосом:

– Майор Лосев! Встать!

Это подействовало.

Павел словно проснулся. Он поднялся, огляделся вокруг, словно впервые видел эту ванную комнату, эту мертвую женщину и этого рослого седого человека, своего начальника.

Старостин вывел его из квартиры, усадил в свою машину и отвез в управление. Там Павлу вкатили слоновую дозу успокоительного, и на какое-то время он впал в ступор.

В таком заторможенном состоянии Павел присутствовал на похоронах жены. Хоронили ее в закрытом гробу.

Только через неделю Павел смог относительно членораздельно разговаривать.

И тут же попал на допрос.

Оказывается, в тот день погибла не только Лена.

Женщина-политик, за чью безопасность Павел отвечал, подъехала к офису адвоката на набережной канала, вышла из машины в сопровождении своего секретаря и направилась к дверям. Но не успела она пройти и половины расстояния, как из проходного двора, того самого проходного двора, который должен был контролировать Павел, вышла высокая девушка в темных очках и длинном светлом плаще. Она распахнула

свой плащ, под которым оказались два коротких десантных автомата, и почти в упор расстреляла обоих – и депутата, и секретаря.

Валя Елисеев, который находился в подворотне, выскочил на выстрелы, но успел заметить только промчавшийся мотоцикл, на который вскочила киллерша.

– Объясните, Лосев, почему вы бросили доверенный вам пост? – сухо и брезгливо осведомился председатель следственной комиссии полковник Вычегдов.

– Николай Николаевич, – вступился за подчиненного Старостин, – ведь вы знаете, какую трагедию пережил Лосев в тот день...

– Это не может служить ему оправданием! – прокрипел Вычегдов. – Сотрудник нашего управления ни при каких, я повторяю – ни при каких обстоятельствах не может оставить свой объект без прикрытия! Это железное правило!

– Но я попросил Самойлова заменить меня... – проговорил Павел тусклым, безжизненным голосом. Ему на самом деле было совершенно безразлично, какое решение примет комиссия. Ему вообще все теперь было безразлично.

– Самойлова? – ухватился за его слова Старостин. – Давайте слушаем майора Самойлова...

Но Самойлов, явившись на следующее заседание комиссии, начисто опроверг слова Павла. Он утверждал, что никакого разговора между ними в тот день не было.

– Ты что, Леха! – На этот раз возмущение и обида проби-

ли панцирь, за которым укрылся от жизни Павел. – Как же ты можешь? Ведь ты тогда пообещал мне помочь, прикрыть объект...

– Мне тебя очень жаль, Павлик, – проникновенно проговорил Алексей, сочувственно наклонив крупную голову с ранними залысинами. – Ты мне друг, конечно. Но я даже ради тебя, даже ради нашей дружбы не могу лгать своим товарищам, лгать комиссии. Прости, но не могу. Знаешь, как говорят – Платон мне друг, но истина дороже.

Павел вскочил и схватил Самойлова за воротник.

– Сволочь! – кричал он сквозь злые слезы. – Сволочь, как ты можешь так врать?!

Двое прапорщиков с трудом оттащили его от бывшего друга. Тот скорбно смотрел светлыми, почти прозрачными глазами, потом переглянулся с начальством и развел руками.

– Вот видите? – Вычегдов взглянул на Старостина. – Ваш сотрудник майор Лосев не только недисциплинирован, не только безответственен до такой степени, что способен из-за личного дела оставить доверенный ему пост – он даже на заседании нашей комиссии способен устроить отвратительный дебош!

– Но, Николай Николаевич, – пытался защищать его Старостин, – он только что пережил такую трагедию...

– С этим тоже не все ясно, – продолжал Вычегдов своим скрипучим голосом. – Как Лосев узнал о нападении на жену?

– Она мне позвонила... – еле слышно проговорил Павел.

– Факты этого не подтверждают!

Оказалось, что в памяти мобильного телефона Павла звонок жены не зафиксирован. Ленин же телефон бесследно пропал.

– Кроме того, само это преступление выглядит очень подозрительно. В квартире Лосевых ничего не пропало, а на месте преступления нет никаких отпечатков пальцев, кроме отпечатков самой потерпевшей и ее мужа, майора Лосева...

Павел еле пережил эту комиссию.

Старостин сумел добиться того, что, учитывая его тяжелое моральное состояние, против Павла не возбудили уголовное дело, но из органов его уволили.

Несколько месяцев он жил в каком-то бреду, в каком-то тумане, никакие сигналы из внешнего мира до него не доходили. Единственное, что он как-то осознал – через неделю после завершения работы комиссии ему позвонил Старостин и рассказал, что Алексей Самойлов погиб в автомобильной катастрофе.

– Странная была катастрофа, – говорил бывший начальник, понизив голос. – В его машину врезался грузовик... водитель скрылся, а грузовик числился в угоне...

Даже это сообщение Павел не вполне воспринял. Собственно, для него Самойлов умер раньше – тогда, на заседании комиссии, когда он холодно и заученно проговорил: «Платон мне друг, но истина дороже».

На что и как он жил в это время, Павел не помнил. Что-то

продавал, питался какой-то дрянью. Ему все это было безразлично.

Самым страшным в его жизни были ночи.

Он подолгу не мог заснуть, а если все же засыпал – видел один и тот же сон: лестница, по которой он бежит, задыхаясь и перепрыгивая через ступеньки...

Примерно через месяц после трагедии он вышел в магазин, купить себе какой-нибудь еды, и там встретил двоих потрепанных мужиков средних лет, которым нужна была компания. Втроем они выпили в ближайшем сквере две бутылки какой-то ядовитой гадости, и Павел неожиданно забыл о случившемся. Забыл о крови в коридоре, забыл о занавеске с плывущими дельфинами...

Забыл совсем ненадолго, может быть, всего на полчаса – но все-таки забыл. После этого он каждый день встречался с теми двумя мужиками и молча, зло напивался.

Так продолжалось до тех пор, пока как-то утром он не взглянул на свое отражение в зеркале.

Опухшая, небритая физиономия, мешки под глазами. Лицо опустившегося, равнодушного к самому себе человека.

И вдруг совсем рядом раздался тихий голос Лены:

– Павлик, ты что? Как ты можешь?

Он вздрогнул, завертел головой.

В квартире, разумеется, никого не было.

Но голос Лены отчетливо звучал у него в ушах.

Действительно, как он мог так опуститься? Только для то-

го, чтобы забыть? Но разве можно забывать такое? Он должен помнить, помнить и учиться жить с этим.

Павел побрился, привел себя в порядок, выстирал и вычистил одежду. К счастью, он не успел продать машину – просто потому, что это было для него слишком сложно.

И теперь она стала его средством существования.

Он стал ночным извозчиком, бомбилей.

Все равно спать по ночам он не мог.

Первое время его встречали неподалеку от дома бывшие собутыльники, пытались вернуть в свою компанию, но Павел довольно быстро сумел объяснить им, что к чему.

Он заново учился жить.

Иногда он задавал себе вопрос – зачем?

Но тут же вспоминал голос Лены и мысленно отвечал, что должен жить хотя бы для того, чтобы ей не пришлось повторять те слова.

А еще в самой глубине его души теплилась слабая надежда, что когда-нибудь он сможет найти того, кто в тот страшный день побывал у него в квартире. Того, кто лишил его жизнь смысла.

И вот теперь, кажется, у него появился шанс.

* * *

Павел замолчал и поднял глаза на президента.

– Теперь вы понимаете, через что мне пришлось пройти?

Нет, я уже совсем не тот человек, каким был прежде. Не тот человек, который вам нужен!

– Вы ошибаетесь. – В голосе президента прозвучало сочувствие. – Позвольте мне самому судить. Я в вас верю.

– Да, но я сам в себя не верю. Я живу по инерции. Просто потому, что так нужно. Моя жизнь давно уже лишена смысла, поэтому я не смогу работать с полной отдачей, не смогу выложиться, а без этого никакую операцию успешно не проведешь...

– А что, если я предложу вам восстановить справедливость? Что, если я передам вам документы по тому делу восьмилетней давности, помогу наказать виновных и очистить свое доброе имя, свою репутацию от того пятна, которое на них осталось?

– И узнать, кто убил мою жену? – Павел поднял на президента глаза, загоревшиеся темным огнем.

– Возможно, и это удастся выяснить... только, прошу вас, держите себя в руках, а то охрана нервничает...

– Я тогда еще чувствовал, что меня подставили! – выдохнул Павел. – Я чувствовал... но вы... вы – знали?

– Нет. – Президент покачал головой. – Если бы я тогда знал, возможно, все сложилось бы по-другому. Нет, тогда у меня не было многих документов. Теперь они есть...

Он помолчал недолго и наконец проговорил:

– Ну что – мне удалось убедить вас? Вы возьметесь за это дело?

– За то, чтобы узнать правду, я готов на все! Вы можете рассчитывать на меня...

– Вот и отлично!

Президент протянул Павлу конверт:

– Здесь ваши новые документы, немного наличных денег на первые расходы и несколько кредитных карточек. Карточки особенные, их невозможно отследить. Здесь же билет в Лондон с открытой датой. Вылетите, как только сможете. Там вы встретитесь с одним человеком... это мой старый друг, и только ему я сейчас могу вполне доверять. Он подготовит для вас кое-какую информацию и постарается ввести в курс дела... Впрочем, рассчитывать вам придется почти только на себя.

«Расследованием дела об отравлении бывшего подполковника ФСБ России Алексея Литовченко занимается специальное подразделение по борьбе с терроризмом Скотленд-Ярда.

Решение о передаче дела Алексея Литовченко, которым ранее занималась криминальная полиция, в это контртеррористическое подразделение было принято после того, как состояние здоровья Литовченко резко ухудшилось.

После смерти Литовченко, последовавшей двадцать третьего ноября, в Великобритании проведено заседание чрезвычайного комитета COBRA под председательством главы МВД Джона Райда. Это говорит о предельной серьезности

отношения британских властей к смерти бывшего офицера ФСБ.

В состав комитета COBRA входят высшее руководство страны и руководители спецслужб. Комитет собирается в чрезвычайных для страны ситуациях. Последние встречи проводились в связи с терактами в Лондоне в 2005 году и в связи с раскрытием заговора по подрыву самолетов в августе этого года. В этот раз премьер-министр Тони Блэр во встрече не участвовал, поскольку находился в Шотландии.

Великобритания запросила у России информацию в связи с расследованием дела о смерти экс-офицера ФСБ Литовченко. Официальные представители британского МИДа обсудили смерть Алексея Литовченко с послом России. Англичане попросили посла донести до официальных лиц в Москве запрос о предоставлении любой информации, которая могла бы помочь полиции в расследовании».

14 декабря 2006. Лондон

Перед входом в Сент-Джеймс-парк посетителей встречают два строгих предупреждения: собаку не следует спускать с поводка и не разрешается кормить пеликанов. Из этого можно сделать естественный вывод, что в этом парке имеются пеликаны. Еще здесь водится несметное множество уток самых разных пород и огромное количество белок.

Павел миновал киоск, где продавали зерна для птиц и орешки для белок, и пошел вслед за гуляющей публикой к птичьему острову.

Пруды кишели водоплавающей птицей. Были тут утки обычные, утки королевские – с черным оперением и хохлом на затылке, гуси разных размеров. На берегу толпились мамы с детьми. Чуть в стороне на лавочках сидели чинные английские старушки – все в аккуратных маленьких шляпках, чуть прикрывающих тщательно уложенные седые кудри, и в хорошо сшитых драповых пальто.

Пожилой джентльмен, судя по выправке – бывший моряк или военный, придерживал за ошейник рыжего сеттера. Сеттер делал вид, что его нисколько не касается такое обилие всевозможной дичи совсем рядом. Павел взглянул на часы – было без десяти двенадцать. Не следовало приходить на встречу раньше времени, и он постоял возле заборчика, где сидел, нахохлившись, большой пеликан. Дисциплинирован-

ные посетители парка его не кормили, и пеликан, надо полагать, сильно на них обижался.

Павел оглядел все вокруг ленивым скучающим взглядом и остался доволен. Похоже, в этом праздничном гвалте его скромная персона никого не интересует.

Он улыбнулся чернокожему малышу в красном комбинезоне, пропустил вперед дикого гуся, который понесся по тропинке, негодуяще гогоча, и свернул на боковую аллею.

Тут было потише, навстречу Павлу попались лишь девушка на велосипеде и темнокожая бонна с двумя близнецами. Аллея вывела его на поляну, покрытую свежеподстриженным газоном. Осторожно ступая по сырой траве, он направился к скамейкам, стоявшим на другом краю поляны. На третьей справа сидел немолодой мужчина, одетый с нарочитой аккуратностью и даже кокетством. На нем было светло-бежевое кашемировое пальто и подобранное в тон замшевое кепи. Шею покрывало золотистое кашне. Рядом на скамейке лежали замшевые перчатки. Мужчина кормил с руки крупную рыжую белку и, казалось, был полностью поглощен этим занятием.

Павел ступал неслышно, но белка почуяла его, встрепенулась и скакнула прочь, испуганно цокая.

– Вам привет от старого друга, – проговорил Павел условленную фразу.

– Ну, не такой уж он и старый... – протянул мужчина негромко, взглянул на Павла и подвинулся. – Прошу!

Белка отбежала недалеко и спряталась за дерево. Павел присел на скамью. Вблизи было видно, что его сосед гораздо старше, чем казалось вначале.

– Как прошел полет? – спросил он, не глядя на Павла. – Не было никаких неожиданностей?

– Пока все нормально, – Павел пожал плечами, – хотелось бы побыстрее приступить к делу.

– Вы были осторожны? Хвоста за собой не привели?

– За кого вы меня принимаете! Я все-таки профессионал... давайте перейдем к делу.

Старик повернулся и испытующе посмотрел на него из-под козырька кепи.

– Я в курсе поставленной перед вами задачи, – сказал он, помолчав, – однако меня слишком поздно информировали. Даже не сообщили, под каким именем вы прибудете.

– Михал Караджич, бизнесмен из Сплита, владелец фирмы «Задруж»...

– Очень приятно. Связь, понимаете, хоть и надежная, но небыстрая. Так что пока чем богаты, тем и рады.

Он протянул Павлу заклеенную конфетную коробку.

– Откроете не на людях. Допросите девушку, она должна вспомнить кое-какие подробности. У вас уже есть ко мне вопросы?

Павел подумал немного и решился:

– Боюсь, что покажусь вам полным идиотом, но вопрос у меня пока только один – что вообще здесь происходит? Кое-

что я прочитал в газетах, версий происшедшего там выдвигается много, но все какие-то беспочвенные и необоснованные. Журналисты стараются вовсю, однако еще больше напускают туману...

– Так-так... – Старик снова внимательно посмотрел на Павла. – Думаю, что наш общий друг там, в Москве, был прав, когда не стал вываливать на вас ворох секретной информации...

Павел тут же подумал, что, по его впечатлению, президент и сам не слишком владел информацией, ведь именно за ней он послал в Лондон Павла.

– Иногда, знаете ли, очень полезен непредвзятый взгляд человека нового, неискушенного. Хотя... я знаю, что вы – бывший профессионал, не так ли?

– Это не важно. – Павел отвернулся.

– Это несомненно важно, но только для вас, здесь, – поправил старик. – Я верю, что навыки оперативной работы остаются навсегда, это как езда на велосипеде. Итак, существует множество версий, кто же отравил нашего фигуранта.

Павел машинально отметил, что старик по старой «шпионской» привычке не называет в разговоре никаких имен.

– Версия номер один, которую больше всего муссировали в прессе, имеет отношение к нашему с вами старому другу, который остался в Москве, – заговорил старик негромко. – Вы, разумеется, не станете заниматься этой версией, поскольку вам поручили это дело, чтобы доказать обратное.

Доказать его непричастность к событиям.

– Не только, – вставил Павел.

– Прошу прощения. – Старик слегка поклонился. – Так вот, если бы нашего фигуранта отравили по приказу... ну вы понимаете кого, то, я вас уверяю, он бы использовал менее громкий способ. Многие его критикуют, но все сходятся на том, что наш московский друг обладает большой долей здравого смысла, что в корне противоречит использованному методу устранения фигуранта. В самом деле, зачем использовать в деле полоний, который и достать трудно, и агония длится так долго, что за это время средства массовой информации просто ведьмин шабаш устроить успели? Если уж так нужно, шлепнули бы по-тихому, как выражаются в современной России, да и дело с концом...

– Согласен. – Павел наклонил голову и подмигнул рыжей белке, выглядывающей из-за дерева.

– Версия вторая рассматривает участие в деле врагов нашего московского друга. Они якобы завели всю эту историю, чтобы дискредитировать его в глазах мировой общественности. Из внешних врагов первым номером идет знаменитый лондонский изгнанник, мультимиллионер... вы понимаете, кого я имею в виду. Сейчас он оплакивает нашего отравленного покойника, как близкого человека, раньше помог ему с семьей нелегально перебраться в Лондон, оплачивал вполне сносное жилье. Сведения, рассказы и всевозможные разоблачения сыпались из нашего фигуранта, как тру-

ха из прохудившегося мешка, его книга о том, кто стоит за взрывами в Москве, наделала на Западе много шума. Окрыленный успехом и вдохновляемый, по некоторым сведениям, лондонским изгнанником, фигурант приступил к следующей фазе – описывал торговлю оружием, подготовку террористических актов, бактериологических войн и многое другое, чем якобы занималось ведомство, в котором он служил, пребывая в России.

Однако по утверждению бывшего коллеги нашего фигуранта, который дал интервью нескольким газетам, лондонский сиделец и отравленный фигурант находились в последние несколько дней в сильнейшей ссоре и практически прервали отношения.

– Он не сообщил, по какой причине? – вклинился Павел.

– Кажется, нет, наплел что-то там про угрозы, про то, что российские спецслужбы неоднократно предупреждали фигуранта об опасности связи с лондонским изгнанником... в общем, сведения непроверенные. Вообще очень много людей заявляют теперь в средствах массовой информации о том, что были близки с покойным до такой степени, что он поверял им все свои секреты, полностью раскрывал душу. Создается впечатление, что покойный страдал недержанием речи. – Старик саркастически хмыкнул. – Разумеется, верить этим заявлениям нельзя.

– Да уж я понял, – сказал Павел.

– В третьей версии основными действующими лицами на-

зывают не врагов, а друзей нашего московского друга, людей из его ближайшего окружения, сотрудников его аппарата. Им скандал на руку, так как после дестабилизации может последовать сильное закручивание гаек и сплачивание рядов вокруг их шефа. Возможно, это заставит его не уходить со своего поста, чего они и добиваются.

Голос старика сорвался, он закашлялся и сунул в рот мятную пастилку. Потом прижал руку к груди и посидел так немного, свободной рукой приманивая белку. Белка выскочила из-за дерева, сделала несколько грациозных прыжков по траве, но передумала и вернулась на прежнюю позицию.

– Следующая версия, – продолжал старик, – говорит о том, что наш фигурант стал жертвой группы влиятельных лиц российского происхождения, которых он пытался шантажировать. Он, видите ли, планомерно копил компромат на своих бывших коллег, на крупных бизнесменов, политиков и чиновников. Цель его была самая прозаическая – получение выкупа. В пользу этой версии говорит тот факт, что покойный остро нуждался в деньгах. В самом деле, Лондон – дорогой город, а у покойного была семья. Приехал он сюда без копейки, квартиру оплачивал его благодетель, с которым он якобы рассорился, еще один его «благодетель и друг», представитель чеченских сепаратистов, прямо заявил журналистам, что покойный подрабатывал у него личным шофером. Это о чем-то говорит, не правда ли?

– Опять-таки сведения непроверенные, – усмехнулся Па-

вел.

– Да, тут еще много работы. – Старик наклонил голову и продолжал: – И последняя версия на данный момент связана с тем, что покойный незадолго до смерти принял ислам. Высказывается гипотеза, что он мог быть причастен к попыткам «Аль-Каиды» изготовить так называемую «грязную ядерную бомбу». В этом случае возникает следующее предположение – о самоубийстве. То есть вряд ли можно считать, что покойный нарочно принял полоний и бродил потом по Лондону, стараясь заразить как можно больше людей, скорее всего он случайно открыл контейнер и получил отравление.

– Верится с трудом, – протянул Павел.

– Согласен, однако и эта версия требует тщательной проверки наравне с другими.

Список мест, загрязненных радиацией со следами яда, уже известен, их всего шесть. Это бар лондонского отеля «Миллениум», филиал бара «Итцу» недалеко от Пиккадилли, где покойный встречался с итальянским профессором, в организме которого также нашли полоний, дом нашего фигуранта в северной части Лондона, отделение больницы, где он проходил лечение с первого ноября, и еще два места: бизнес-центр в западной части Лондона и дом в аристократическом районе Мейфэр. Вот пока все. Поговорите с девушкой из бара «Итцу», возможно, вам удастся узнать кое-что новое...

Следующая наша встреча завтра в два часа в галерее Тейт.

Любите Тёрнера?

– Не очень, – усмехнулся Павел, – уж больно однообразен.

– Только не говорите такого при англичанах! – Старик шутливо замахал руками. – Рискуете нарваться на скандал. Значит, завтра в два часа возле картины «Пылающий закат».

«Ценное дополнение, – подумал Павел, – а то там этого Тёрнера навалом...»

– Засим позвольте откланяться, – сказал старик.

Он взял перчатки и ушел, оставив на скамейке пакетик с орехами. Павел поцокал белке, но та только выглядывала из-за дерева, не решаясь приблизиться, очевидно, он не вызывал ее доверия.

У выхода стоял бетонный кубик туалета. Павел заперся в кабинке и разорвал коробку. Там лежали небольшой плоский пистолет, фотография симпатичной блондинки с большими глазами и маленький пакетик с белым порошком. На обороте фотографии было написано: Лора Лозовски, двадцать пять лет, Пентонвил-роуд, 16.

Из газет Павел знал, что именно Лора Лозовски работала в суши-баре «Итцу». Она часто видела покойного Литовченко, могла что-то заметить. Что ж, можно навестить девушку, если она знает что-то, чего не рассказала полиции, это будет очень кстати.

Возле выхода из парка Павел поймал мини-кеб и бросил своему лондонскому коллеге:

– Кингз-Кросс!

Машина промчалась по широкому бульвару мимо ограды парка, свернула на Чаринг-кросс, углубилась в лабиринт улочек по другую сторону Оксфорд-стрит и наконец остановилась на людной мрачноватой площади.

– Кингз-Кросс, – проговорил водитель, повернувшись.

Павел расплатился и вышел на площадь между вокзалами Кингз-Кросс и Сент-Панкрас.

Этот район Лондона представлял собой полную противоположность бульварам возле Букингемского дворца. Привалившись к стене, дремали лондонские бомжи, на углу маячила потасканная девица с зажатым в зубах пакетиком из фольги – так называемый «мул». В пакетике у нее крэк или героин на продажу, при появлении полицейских она должна успеть его проглотить, если не хочет сесть за распространение наркотиков.

Навстречу Павлу шагнула женщина средних лет и вполне приличного вида.

– Сэр! – проговорила она негромко, с достоинством. – Не хотите ли развлечься с тринадцатилетней девочкой? Не сомневайтесь, ей действительно тринадцать, никакого мошенничества!

Павел оттолкнул сводню, двинулся в сторону Сент-Панкрас-роуд.

– Мужик, дай на пиво! – окликнул его веселый рослый негр, точнее, афробританец, как его положено называть.

Дреды на голове, кривой шрам от ножевого удара через всю щеку. Павел не ответил, и тот вслед ему беззлобно выругался.

Из подворотни выскочила растрепанная женщина и закричала:

– Помогите, люди! Он использовал меня и не заплатил!

Павел прибавил шаг, миновал ряд дешевых баров на Сент-Панкрас-роуд – над этими барами расположены дешевые номера, где принимают клиентов малолетние проститутки Кингз-Кросса, приехавшие сюда из маленьких захолустных городков северной Англии.

Наконец он вышел на Пентонвил-роуд. Здесь было почище, и публика навстречу попадалась не такая подозрительная. Павел прошел мимо «Бургер кинга» и остановился перед темным подъездом. Судя по всему, именно здесь обитала Лора Лозовски.

На лестнице Павел столкнулся с сутулой старухой, которая окинула его неприязненным взглядом и пробормотала:

– Дома она, дома! Вот повезло девке... каждый день то полиция, то журналисты! А старая Кэти тоже могла бы кое-что рассказать! Моя жизнь – это один сплошной роман... только кого интересует женщина, оставившая за кормой свои лучшие годы!

Павел осторожно обошел старуху, поднялся на третий этаж и позвонил.

Внезапно он вспомнил другую лестницу, другую дверь...

те, что снились ему уже восемь лет.

Во рту стало горько, сердце неровно забилося. Он глубоко вдохнул, выдохнул, выравнивая пульс.

Дверь открылась на цепочку. В щели показался темный глаз, падающая на него прядь светлых, давно не мытых волос.

– Чего надо?

– Поговорить, мисс Лозовски!

– Ты легавый? – деловито осведомилась девица. – Я уже все вашим рассказала! Катись к черту!

– Зря вы так, мисс Лозовски, – мягким, доверительным голосом проговорил Павел. – Лучше откройте дверь! Я из государственной иммиграционной службы...

– У меня все бумаги в порядке! – выпалила девица. – Проваливай!

– А вот мы и проверим, в порядке они или нет! Или мне вызвать спецбригаду? Вышибить к чертям собачьим вашу дверь?

– Сволочь... – тихо выдохнула Лозовски и сбросила цепочку.

Павел протиснулся в тесную прихожую, закрыл за собой дверь, огляделся.

Квартирка была маленькая и до предела запущенная. То же самое можно было сказать и о ее хозяйке – Лора Лозовски была маленькая и очень запущенная блондинка лет двадцати пяти. Видно было, что она уже несколько дней не выходит из

дома. Точнее, выходит только с одной целью – купить дозу.

О ее зависимости говорили красные глаза с болезненно суженными зрачками, дрожащие руки и то, что она постоянно шмыгала носом, как будто к чему-то принюхиваясь.

Она скрылась в полутемной спальне, через минуту снова появилась, протягивая Павлу какую-то бумагу:

– Вот гляди – у меня все в порядке! Видал? Все печати, все ваши долбаные подписи! А теперь проваливай!

– Не раньше, чем поговорю с тобой, – отозвался Павел, втолкнув девчонку в спальню и прикрыв за собой дверь. – Не раньше, чем ты мне расскажешь про тот день, про первое ноября.

– Козел! – взвизгнула Лозовски. – Я уже все рассказала вашим! Чего тебе еще надо? Убирайся к черту!

– Уберусь. – Павел сел на жесткий стул, сложил руки на коленях. – Уберусь, как только ты расскажешь мне все, что знаешь.

– Я уже все рассказала. – Теперь голос Лоры звучал жалобно. – Уйди по-хорошему, а?

– Повтори мне все еще раз. Расскажи про этого человека. Ведь он бывал у вас не один раз, правда?

– Он приходил к нам часто, – заученно проговорила Лора. – Богатый русский мужик. Классно одетый, при деньгах. Хорошие костюмы, дорогие швейцарские часы. Всегда давал хорошие чаевые. В этот день он пришел один, потом появился второй, тот итальянец, которого показывали по телевидео-

ру.

– Ты сама их обслуживала?

– Сама... – пробормотала Лора, опустив глаза. – Но я тут ни при чем! И вообще мы все ни при чем! Еду приготовили на кухне, накрыли крышкой... ее могли отравить только потом, на столе.

– А этот итальянский профессор, что сидел рядом с ним? Как он себя вел? Много ел, пил?

– Вообще не ел, – удивленно протянула Лора, – и даже воды, кажется, не пил... И все время дергался, нервничал, что ли...

– Нервничал? – оживился Павел. – А с чего ты взяла, что он нервничал?

– Ну... он все вертелся на стуле, по сторонам оглядывался, много говорил... Хотя... итальянцы многие так себя ведут, манера у них такая...

– Это точно, – признал Павел, – ты наблюдательная, это хорошо. А кто-нибудь к их столику подходил из персонала, кроме тебя?

– Кроме меня, никто, – твердо ответила Лора, – у нас так не положено. Но я же не могу запомнить всех, кто проходил мимо...

– Не можешь, – согласился Павел, не сводя глаз с лица девушки. – Разве я говорю, что можешь?

– Теперь ты уйдешь? – В голосе Лоры прозвучала надежда. – Я рассказала тебе все, что знала... ты обещал уйти.

– Разве я обещал? – удивленно переспросил Павел. – Что-то я такого не припомню!

– Сволочь! – выкрикнула Лора и подскочила к Павлу, но он мягким сильным толчком отбросил ее на диван. – Сволочь! – повторила она, всхлипывая. Глаза ее стали совсем больными, щека задергалась.

– Ты меня за полного кретина принимаешь? – мягко, сочувственно спросил Павел. – Рассказала мне свою тупую байку и думаешь, что отделалась? Нет, лапочка, придется тебе напрячь память и припомнить что-нибудь поинтереснее. Вся эта лабуда, которую ты мне наплела, сегодня ни фиги не стоит.

– Сэр, – теперь голос Лоры стал умоляющим, – сэр, мне непременно нужно выйти! Отпустите меня буквально на пять минут, а потом мы еще поговорим!

– Ну вот опять! – вздохнул Павел. – Мы же договорились – не надо считать меня кретином! Ты выйдешь к вокзалу за дозой, а потом тебе все будет до лампочки! Кстати, на чем ты сидишь – крэк? Героин?

– Крэк... – неохотно призналась Лозовски.

– Паршиво... – вздохнул Павел. – А как же тебя держит хозяин? У вас же вроде приличный бар!

– Тебе-то какое дело? – огрызнулась Лора.

Она вскочила, прошла взад-вперед по комнате, ломая руки, и вдруг опустилась перед Павлом на колени, отбросила в сторону волосы и открыла шею, как перед палачом:

– Видишь?

Павел, не теряя контроля, склонился и взглянул. Шея де-вушки была покрыта странной красноватой сыпью.

– Что это? – спросил он, брезгливо отстранившись.

– Ага, тебе тоже противно! – процедила Лора, пристально глядя в глаза мужчине. – Все парни шарахаются от меня! Это началось у меня после того дня, после первого ноября! После того как я обслуживала русского пижона и его итальянского дружка. Полицейский врач сказал, что это ничего не значит, но сам прикасался ко мне в перчатках! Анализы еще не готовы, но я уверена – это тот чертов яд! Я отравилась заодно с тем русским и теперь умру!

Она затряслась в беззвучных рыданиях, закрыв лицо руками, потом снова уставилась на Павла. Глаза были красными, зрачки сузились в булавочную головку.

– Вот так мы сидели с друзьями, веселились, а потом я увидела эту дрянь у себя на шее и узнала про этот чертов яд! Я умру! Понимаешь, козел паршивый, – я умру!

– Все мы умрем, – философски высказался Павел.

– Да, но ты умрешь через пятьдесят лет, старым маразматиком с трясущейся головой, которому уже ничего не нужно, а я сдохну, может быть, через неделю, не дожив до своего двадцать пятого дня рождения! И ты еще спрашиваешь, почему я подсела на крэк! Только он помогает мне не свихнуться!

– Очень сочувствую, мисс Лозовски, но ничем не могу по-

мочь!

– Сволочь! – Лора скорчилась на полу, плечи ее затряслись.

Минута прошла в молчании, потом она подняла голову и жалко, вымученно улыбнулась:

– Парень, ты такой симпатичный! Может, мы с тобой поладим? Я тебя ублажу по первому разряду, и мы разойдемся! Ты скажешь своему начальству, что я ничего не знаю...

– Ты давно смотрела в зеркало, детка? – насмешливо бросил Павел. – Честно говоря, сейчас твое предложение звучит не слишком соблазнительно!

– Грязная свинья! Это тебе не сойдет с рук! – Лора плюнула в Павла, плевок угодил на его ботинок. Павел покачал головой, взял со стола бумажную салфетку и вытер обувь.

– Не стоит так горячиться, мисс Лозовски, – проговорил он, доставая из кармана бумажный пакетик. – Думаю, нам с вами лучше договориться. Причем на моих условиях. Видите, что у меня есть? Вам даже не придется бегать на вокзал! И что вам там подсунут? Грязный порошок пополам с содой, и за большие деньги. А у меня тут отличный крэк, первый сорт, и совершенно бесплатно!

– Бесплатно? – переспросила Лора и хрипло расхохоталась. – Бесплатно! Ты знаешь, ублюдок, где бывает бесплатный сыр? В долбаной мышеловке!

– Это вопрос терминов! – отрезал Павел. – Во всяком случае, денег я с тебя не возьму. Ты просто расскажешь мне то,

о чем промолчала, когда разговаривала с моими коллегами, и тут же получишь этот замечательный пакетик...

– Скот вонючий! – выдавила сквозь зубы Лора.

По ее телу пробежала волна судороги, она скрипнула зубами и простонала:

– Если бы ты знал, каково это... ладно, тебя, наверное, интересует тот чеченец...

– Чеченец? – переспросил Павел. – Что еще за чеченец?

– А ты дашь мне дозу? – Лора не сводила зачарованного взгляда с пакетика в его руках.

– Мы же с вами друзья, мисс Лозовски! – криво усмехнулся Павел. – А друзья должны верить друг другу! Так что там про этого чеченца?

– Ты никому не расскажешь, что узнал это от меня?

– А зачем? Я что, похож на старую сплетницу? – И он потряс перед глазами Лоры бумажным пакетиком.

– Этот чеченец... он тоже приходил к нам почти каждый день. И я замечала, что он всегда приходит сразу же за русским. Садится в другом конце бара и все время поглядывает на него...

– И в тот день он тоже приходил?

– Приходил, – кивнула Лора, не сводя глаз с пакетика. – Только в тот день он пришел раньше русского. Он сел в дальний угол бара, заказал холодный чай...

– Он проходил мимо стола, за которым сидели русский с итальянцем?

– Да... – Лора облизнула губы. – Он прошел мимо их стола и вышел. Больше я его не видела. Но потом наш бар закрыла полиция из-за всей этой истории... хозяин нам все равно платит деньги, как положено, и даже прибавил фунт в час за неприятности... – Она снова рассмеялась. – Фунт в час за то, что я, может быть, сдохну через неделю!

– Не надо так мрачно смотреть на мир! – оборвал ее Павел.

– Эй, сэр, – напомнила ему Лора, – вы обещали мне дозу в обмен на информацию!

– В обмен на информацию, – подчеркнул Павел. – На информацию, а не на туфту! Что ты мне сказала? Что к вам в бар заходил какой-то чеченец... так к вам заходят сотни людей – и англичане, и голландцы, и пакистанцы, и китайцы... и даже если я захочу поговорить с этим чеченцем – где я буду его искать? Знаешь, сколько чеченцев в Лондоне? Что же мне – каждого из них допрашивать?

Лора обхватила свои плечи руками, словно ей стало холодно. Ее била крупная мучительная дрожь.

– Он рыжий, невысокого роста, но очень широкоплечий... у него широкое грубое лицо и шрам на левой щеке...

Она замолчала, как будто не решаясь продолжать.

– Ну, давай же! – поторопил ее Павел.

– Он... этот чеченец... – проговорила Лора, стуча зубами, – он знакомый мадам Айши... я видела, как он заходил в ее лавку, и еще раз видела, как они разговаривали на ули-

це... спроси у нее, она знает, где его искать...

– Мадам Айша? – переспросил Павел. – Кто такая мадам Айша?

– Гадалка, – едва слышно отозвалась Лора. – Хозяйка восточной лавочки на Йорк-роуд... тут неподалеку, за углом... ну что – такая информация тебя устраивает?

– Это кое-что... – согласился Павел. – Но может, ты еще что-нибудь припомнишь?

– Хватит издеваться надо мной! – взмолилась Лора. – Ты обещал мне дозу! Или дай, или проваливай, а больше я тебе слова не скажу!

– Верю, – кивнул Павел и протянул пакетик.

Лора вцепилась в него, как собака в кость, и торопливо принялась трясущимися руками сворачивать косяк.

– Желаю счастья в личной жизни, мисс Лозовски! – проговорил Павел, направляясь к выходу. – И непременно закройте за мной дверь, а то люди попадаются разные... не все так снисходительны к чужим слабостям, как я!

Лора длинно выругалась ему вслед.

Выйдя на лестницу, он едва не сбил с ног прежнюю старуху, которая наверняка подслушивала под дверью.

– Старой Кэти тоже есть что порассказать... – начала она. – Только никто ее не хочет слушать...

– Шли бы вы, мэм, домой, – посоветовал ей Павел. – А то, говорят, в этом районе появился маньяк, который убивает излишне любопытных старых леди...

Старуху как ветром сдуло.

Павел вышел на улицу и зашагал обратно к вокзалам.

Свернув на Йорк-роуд, он убавил шаг и стал вглядываться в расположенные по обе стороны лавчонки.

Тут торговали одеждой и сувенирами, зонтами и посудой, сумками и дешевой бижутерией, но больше всего – наркотиками и живым товаром.

«Чеченцы вокруг этого дела пока не мелькали, – думал Павел на ходу, – такую версию никто не рассматривал. Однако если девчонка не врет и чеченец следил за Литовченко, он мог многое заметить. Вот только захотят ли они со мной разговаривать?»

То и дело из дверей лавок и подворотен Павла окликали: – Сэр, не желаете девочку? Настоящая школьница! Сэр, героин? Крэк? Кокс?

Медленно двигаясь среди этих зазывал, он наконец увидел лавочку, в витрине которой были выставлены кальяны и шкатулки, арабские платки и шерстяные рубахи – джелабы, узорчатые коврики, амулеты с арабской вязью и богато инкрустированные зеркала.

В самом центре витрины красовался магический хрустальный шар, над которым неровными буквами было написано: «Мадам Айша. Предсказание будущего. Поиски потерянных вещей. Возвращение возлюбленных».

Однако лавка была заперта. Павел потоптался немного рядом и решил вернуться сюда утром.

15 декабря 2006. Лондон

Павел толкнул дверь лавки мадам Айши. Где-то в глубине мелодично зазвенел колокольчик, и из полутемного дверного проема показалась полная высокая женщина средних лет с обвязанной платком головой и выразительными, ярко обведенными глазами.

– Джентльмен желает приобрести подарок? – спросила она глубоким певучим голосом. – Ковер, или медный кувшин, или красивый платок? Красивый джентльмен, красивый подарок! Я сделаю вам большую скидку...

– Не подарок, нет! – Павел показал на хрустальный шар. – Это вы – мадам Айша, предсказание будущего и все прочее?

– Я, – кивнула женщина. – Пройдемте в мой кабинет!

Она заглянула за расшитую занавеску и крикнула:

– Ахмет, пригляди за лавкой! У меня клиент!

Кабинет гадалки был крайне скромно обставлен: два кресла черного дерева, такой же стол. На этом столе стояли две черные свечи в серебряных подсвечниках, небольшое зеркало в чеканной раме и такой же хрустальный шар, как на витрине.

– Джентльмен хочет вернуть любовь? – осведомилась гадалка, усевшись в одно из кресел и указав клиенту на второе. – Или джентльмена интересует будущее?

– Будущее лучше не знать, – усмехнулся Павел. – Иначе

не захочешь жить. В любовь я больше не верю... уже восемь лет не верю. Джентльмен хочет найти потерю...

— Вы перенесли большое горе, — сочувственно произнесла мадам Айша, приглядываясь к нему. — Но вы сильный человек, и вы справитесь... а что вы потеряли? Вещь? Или, может быть, домашнего любимца?

— Не совсем. — Павел внимательно следил за лицом гадалки. — Я потерял друга.

— Друга? — Женщина явно насторожилась. — Но это не совсем то, чем я обычно занимаюсь... хотя, конечно, можно попробовать. У вас есть какая-нибудь его вещь?

— Нет, к сожалению. Но я могу его описать. Он рыжий, небольшого роста, но очень крепкий и широкоплечий. У него широкое лицо, а на левой щеке — шрам...

— Вот как? — задумчиво проговорила мадам Айша и взглянула на что-то за спиной Павла.

На что-то или на кого-то.

Павел попытался встать, повернуться, но не успел.

На его голову обрушился удар, и он погрузился в темноту.

Он снова бежал по лестнице, перескакивая через ступени, бежал, зная, что снова опоздает. Он влетел на четвертый этаж, рванул дверь квартиры и оказался в залитом кровью коридоре. Кровь была на всем — на стенах, на полу, на дверной ручке.

Это была дверь ванной комнаты.

Павел потянулся к ней и вдруг боковым зрением заметил движение у себя за спиной...

И пришел в себя.

Он лежал на холодном бетонном полу. Прямо перед глазами у него стояли светло-коричневые ботинки на толстой рубчатой подошве. Выше имелись две ноги в черных узких джинсах.

– Очнулся, кажется! – проговорил наверху хриплый голос с кавказским акцентом. – Но для верности плесни еще!

На Павла обрушился поток ледяной воды. Он дернулся и попытался подняться, но тут же коричневый ботинок пнул его в живот.

Руки были связаны за спиной, голова мучительно болела.

– Теперь точно очнулся! – повторил хриплый голос и добавил что-то на незнакомом гортанном языке. В ответ откуда-то сзади раздался смех.

Павел напрягся и перекатился на спину.

Над ним стоял высокий черноволосый мужчина, до самых глаз заросший густой курчавой бородой. Чуть в стороне стоял еще один – помоложе и без бороды. Павел мысленно сосчитал до десяти, сгруппировался, подтянул ноги и резко ударил ими бородача в живот.

Точнее, он только хотел его ударить, потому что в том месте, где тот стоял секунду назад, уже никого не было.

Бородач зашел сзади и снова что-то сказал по-чеченски.

Второй человек осторожно приблизился к Павлу, нагнул-

ся над ним, стараясь не попасть под удар, схватил его за воротник и рывком поднял на ноги. Судя по тому, как легко он это сделал, силища у него была невероятная.

Павел попытался воспользоваться случаем и боднуть противника головой, но тот увернулся, развернул Павла и швырнул в металлическое кресло, привинченное к полу. В ту же секунду руки Павла прикрутили к подлокотникам.

Бородач что-то одобрительно произнес по-чеченски, подошел к Павлу спереди, уставился на него мрачным взглядом и проговорил:

– Ну и куда тебя девать? В мешок и в реку? Или в бетон закатать?

На такие явно провокационные заявления Павел предпочел не отвечать. Тогда бородач нагнулся и резко, сильно ударил Павла волосатым кулаком под ребра.

Дыхание перехватило, в глазах потемнело. Павел сжал зубы, резко, с шипением выдохнул, преодолевая боль.

– На кого ты работаешь? – спросил чеченец с терпеливой, просительной интонацией. – Слушай, ты лучше скажи, на кого работаешь, а то плохо будет! Понимаешь, очень плохо!

– На фирму «Задруж», – с трудом проговорил Павел. – Штаб-квартира в Сплите...

– Ты меня лучше не серди! – окрысился бородач. – Я этого не люблю! Ты пойми, дурак-человек, все равно ведь все расскажешь, только мучиться дольше будешь!

– Кто вы такие? – спросил Павел, немного отдышав-

шись. – Чего вы от меня хотите? Вы меня, наверное, с кем-то перепутали!

– Ну да, конечно! – Бородач выпрямился и снова что-то сказал по-своему напарнику.

Тот разразился длинной раздраженной тирадой.

– Вот и я так считаю, – согласился бородач и повернулся к Павлу: – Ты к девке из бара ходил? Ходил. Про Усмана спрашивал? Спрашивал. К Айше пришел? Пришел. Так что ни с кем мы тебя, дурак-человек, не перепутали. Это ты дорогу перепутал, пошел туда, куда не следовало. Зачем про Усмана спрашивал? Хочешь на него дело это повесить? Хочешь на всех нас дело это повесить? Никак не получится, дурак-человек! Мы этого человека не убивали!

Чеченец выпрямился, потер одну руку о другую и яростно сверкнул глазами:

– Нам его убивать зачем? Он нам как брат! Он – правый, мусульманин, нашего Ахмата друг! А его хотят на нас повесить, чтобы поссорить с англичанами...

Внезапно, с резким хриплым выдохом, он снова впечатал кулак в живот Павла. Ощущение у Павла было такое, будто ему выстрелили в живот из базуки. Комната поплыла перед глазами, воздух стал жестким и колючим, как битое стекло. Павел задержал дыхание, затем медленно, экономя силы, втянул сырой холодный воздух. Ноздри жадно расширились, в голове немного прояснилось.

– На кого ты работаешь? – вполголоса, доверительно и по-

что дружески спросил чеченец.

– На фирму «Задруж», – едва слышно выдохнул Павел. – Маломерные суда, катера и яхты... хочешь яхту с большой скидкой? Могу посодействовать... хорошую океанскую яхту, с большой каютой и всеми удобствами...

– Издеваешься, да? – На лице чеченца появилось выражение детской наивной обиды. – Это нехорошо. Я не люблю, когда надо мной издеваются. В наших горах можно целое кладбище собрать из тех, кто на меня косо посмотрел... нет, ты совсем дурак!

Он прищурил глаза, словно раздумывал, и наконец вздохнул как бы с сожалением:

– По всему видать, что по-хорошему с тобой не получится... а мучить тебя... я солдат, я не палач, мне это не по душе...

– Так что – неужели отпустишь меня? – с сомнением поинтересовался Павел.

– Зачем отпустишь? – Чеченец поднял брови. – Ты же мне ничего не сказал... нет, дурак-человек, я тебя Шамилю отдам... Шамиль – он зверь, ему людей мучить – как песню петь. У него от чужой боли душа радуется. Так что ему ты все расскажешь. Одно плохо – после него тебе уже жить нельзя будет. Он с людьми такое делает – я сам иногда нервничаю, спать не могу, есть не могу...

Бородач выпрямился, отступил на шаг и громко щелкнул пальцами, как будто подзывая официанта.

Его напарник что-то крикнул по-чеченски, и сзади, за спиной Павла, тяжело скрипнула железная дверь.

Павел не мог видеть того, кто вошел в комнату, но слышал его медленные, тяжелые шаги и шумное дыхание.

Шаги приближались, и в душе Павла зашевелился темный мистический страх. Всегда невидимая, загадочная опасность кажется неизмеримо страшнее опасности очевидной...

Наконец шаги приблизились, и Павел увидел Шамиля.

Это был человек не очень большого роста, но с чудовищно широкой грудью, выпуклой и круглой, как пивная бочка. Руки его свисали почти до земли, как у гориллы или орангутанга, и заканчивались кулаками, огромными и тяжелыми, как две кувалды. Но самым страшным было его лицо. Собственно, это было не лицо, во всяком случае, не человеческое лицо, а темное, коряво и неумело заштопанное месиво из мяса, костей и сухожилий, из которого мрачно и непримиримо горел единственный черный глаз.

– Нарвался на мину в девяносто шестом, – пояснил бородач, как будто Павел о чем-то его спрашивал.

Затем он что-то проговорил по-чеченски.

Шамиль ответил ему – не словами, но нечленораздельным бормотанием, птичьим клекотом, утробным бульканьем и хрипом. При этом он приоткрыл рот, точнее, бесформенную и безобразную дыру, внутри которой торчали несколько обломанных коричневых зубов и багровый обрывок языка.

– Радуетса, – пояснил бородач, отступая в сторону. – Лю-

бит он, понимаешь, свою работу!

«Зачем я здесь? – подумал Павел, судорожно сглатывая. – Зачем я терплю эти страдания, зачем готовлюсь к страшной, мучительной смерти? Почему не скажу все, что знаю? Конечно, они не отпустят меня, но хотя бы смерть моя будет быстрой и легкой...»

Словно прочитав его мысли, бородач негромко, как бы сочувственно проговорил:

– Ну что, дурак-человек, может, передумаешь? Может, скажешь мне, что я хочу? Пока не поздно? Пока Шамиль не сделал тебя таким, как он сам, – бессловесным куском мяса?

Но Павел знал, что не пойдет на сделку. По двум причинам: во-первых, из-за того сна, который мучил его последние восемь лет, из-за той крутой лестницы, по которой он взбегаёт, задыхаясь, ночь за ночью, из-за облитых кровью обоев, дверной ручки, занавески в ванной... а во-вторых, из-за того, что он – мужчина.

Конечно, у каждого есть свой предел, своя граница, за которой не остается уже никаких причин, никаких снов, никакого мужества, предел, за которым только кровь, боль и беспомощность, – но сдаваться раньше времени он не намерен...

Шамиль медленно, деловито надел длинный клеенчатый фартук, закрывающий его ниже колен, – грязный, замызганный, заляпанный кровью фартук, как у отработавшего полную смену мясника. Наверняка этот окровавленный фартук был частью ритуала, частью страшного спектакля, который

должен был сломить волю Павла, но этот ритуал достиг своей цели... почти достиг. Павел почувствовал, как земля накреняется и уходит у него из-под ног, как он медленно, но неуклонно скатывается в бездонную пропасть безумия. Но он до хруста сжал зубы, сжал руки на подлокотниках кресла и твердо встретил мрачный, испытующий взгляд единственного глаза Шамиля.

Кто-то невидимый подкатил Шамилю металлический столик на колесах. На этом столике, на белоснежной крахмальной салфетке, были аккуратно разложены хирургические инструменты – скальпели, ланцеты, пилки и другие хромированные предметы самого устрашающего вида. И тут же среди них лежали обычные пассатижи, клещи, тяжелый молоток, сапожное шило...

Шамиль задумчиво осмотрел этот страшный арсенал и взял в руки пассатижи.

– Ну что, ты ничего не хочешь сказать? – раздался где-то рядом голос бородача. – Ничего не хочешь сказать, пока не поздно? Пока ты еще человек? Пока ты еще мужчина?

Павел промолчал. Даже если бы он что-то хотел сказать – бородач уже как бы не существовал в его мире. Мир сузился, сократился до двух человек. Остались только двое – сам Павел и Шамиль, приближающийся к нему, сжимая в огромной лапе пассатижи. Все остальное отдалилось, расплылось в тумане, сделалось мелким, незначительным.

Чудовищный человек наклонился над Павлом, поднял ру-

ку с пассатижами, щелкнул их железным клювом перед самым лицом своей жертвы, приоткрыл ужасный искромсанный рот и прохрипел, пробулькала что-то на своем нечленораздельном языке. При этом из полуоткрытого рта дохнуло отвратительным зловонием — смесью чеснока, перегара и еще чего-то страшного, чего-то, не имеющего названия... должно быть, именно так пахнет смерть.

Павел напрягся, выгнулся всем телом, в последней бесплодной попытке пытаясь разорвать ремни на руках, но они только глубже врезались в запястья, пронзив их невыносимой болью...

Шамиль снова что-то проклекотал, коснулся лица Павла пассатижами...

И вдруг повалился на него всей своей тяжестью, громко хрипя и захлебываясь хлынувшей изо рта кровью.

Павел, ничего не понимая, все еще полулежал в кресле, почти раздавленный многопудовой тушей палача. Вокруг что-то происходило, но он ничего не видел и почти ничего не слышал, кроме каких-то сдавленных выкриков и глухих ударов, как будто какой-то невидимый повар отбивал сырое мясо.

Наконец тушу Шамиля стащили на пол, и полуослепший, полуоглохший, полуживой, залитый чужой кровью Павел смог оглядеться.

Обстановка в комнате удивительным образом изменилась.

Нарядный бородач валялся на полу с заломленными за спину руками и вполголоса ругался. Его безбородый напарник лежал неподалеку в позе нерожденного ребенка и не подавал никаких признаков жизни. На виске у него чернело маленькое круглое отверстие.

Точно так же без малейших признаков жизни валялся на бетонном полу Шамиль, только ему пулей снесло половину затылка. Казалось, этот последний выстрел всего лишь завершил дело, начатое взрывом мины в далеком девяносто шестом году, полностью лишив чеченца человеческого облика.

Кроме этих персонажей первого действия драмы, в комнате присутствовали несколько вооруженных мужчин в одинаковых черных комбинезонах, с натянутыми на лица трикотажными масками.

Один из них подошел к Павлу, внимательно посмотрел на него. Через прорези маски смотрели холодные серые глаза – изучающие, пристальные, бесстрастные.

Не сказав ни слова, человек в маске отступил, подал знак своим подчиненным.

Двое из них быстро приблизились к Павлу, перерезали его путы, легко выдернули из кресла и поволокли к выходу. Действовали эти люди слаженно, четко, как прекрасно подготовленные боевые механизмы. Павел переступал ногами, как набитая ватой кукла, – кровообращение в его конечностях еще не полностью восстановилось.

Его вытащили из комнаты, едва не ставшей для него могильным склепом, проволокли наверх по короткой металлической лестнице, жалобно прогрохотавшей под ногами, вывели во двор. Павел жадно вдохнул свежий воздух поздней осени, пахнувший палой листвой, рекой и влажной землей. После только что пережитого кошмара этот воздух показался ему невыносимо сладким. Павел чувствовал, как жизнь возвращается к нему... хотя радоваться пока было нечему, его новые конвоиры могли оказаться ничуть не лучше прежних.

Маленький двор, примыкающий к двухэтажному кирпичному особняку, был огорожен высокой глухой оградой, но металлические ворота как раз начали медленно открываться.

Павла втокнули на заднее сиденье длинного черного «мерседеса» с тонированными стеклами, двое людей в масках втиснулись справа и слева от него, еще двое сели на переднее сиденье, и автомобиль резко сорвался с места.

Боевики по сторонам от Павла сняли свои маски, но они могли бы этого не делать – их лица были настолько непроницаемы и неприметны, что вспомнить их через минуту было практически невозможно. И вообще они казались безмолвными и неподвижными изваяниями, вылепленными по одному незамысловатому образцу. Павел чувствовал только исходящую от них силу, чувствовал сквозь одежду горячую сталь их напряженных мышц.

Разумеется, они не ответили бы ни на какие вопросы, да, впрочем, Павел был не так наивен, чтобы эти вопросы задавать.

Только тот человек, который сидел рядом с водителем, очевидно, старший группы, отличался от своих подчиненных – он был старше, в коротко стриженных волосах просвечивала седина, на лице были отпечатаны годы труда и лишения.

Машина ехала по тихим улицам лондонских пригородов. Павел не знал Лондона, да, впрочем, вряд ли найдется человек, который достоверно знает все углы и закоулки этого человеческого муравейника, который не одно столетие был самым большим городом мира, – разве что его центр, историческую часть, примыкающую к мрачной громаде Тауэра, к суматошному деловому району Сити, но не бесконечные, раскинувшиеся на десятки километров спальные районы. Единственное, что он мог с какой-то долей уверенности сказать, – они, по-видимому, находились в северной части Большого Лондона. Об этом говорили приличные, дорогие дома с нарядными палисадниками, широкие, обсаженные деревьями улицы и ровный рельеф, без заметных спусков и подъемов. Менее престижная южная часть Большого Лондона расположена на холмах, по которым петляют кривые улицы, да и дома там поскромнее.

«Мерседес» едва ли не час кружил по тихим респектабельным пригородам – видимо, водитель не только двигался

в нужном направлении, но еще и запутывал следы, убеждался в отсутствии преследования.

«Не совсем был прав тот старик в Сент-Джеймс-парке, – думал Павел, – кроме тех версий, что он изложил, тут еще какие-то чеченцы образовались. Правда, они вроде бы не при делах, поскольку сами хотят узнать, кто Литовченко отравил, бояться, как бы на них не подумали. Ну, с ними уже разобрались эти, что меня сейчас везут. Знать бы еще, кто они такие... Скоро узнаю...»

Наконец уютные двухэтажные домики с обмелевшими по холодному времени года палисадниками сменились домами повыше – в четыре-пять этажей, в которых помещались небольшие магазинчики и дешевые закусочные. На улицах стало болеелюдно, то и дело приходилось останавливаться на светофорах.

Старший группы повернулся и коротко бросил:
– Подъезжаем!

В ту же секунду один из охранников быстрым движением натянул на голову Павла матерчатый мешок.

Павел закашлялся, завертел головой, но резкий болезненный удар под ребра заставил его затихнуть. «Мерседес» еще раз свернул, затормозил. Раздалось гудение поднимающихся гаражных ворот, и они въехали внутрь какого-то здания.

Павла вытащили из машины и, как прежде, поволокли вперед.

Он спотыкался на каждом шагу и едва не упал, поднима-

ясь по крутым ступеням.

Тогда сопровождающий, что-то вполголоса пробормотав, грубым рывком стащил мешок с его головы и втокнул Павла в просторную полутемную комнату.

Окна в этой комнате были задернуты плотными бежевыми шторами, в углу стоял антикварный письменный стол, посреди комнаты – глубокое тяжелое кресло, возле него – стойка с несколькими лампами, как в операционной.

В первый момент Павлу показалось, что в комнате никого нет, и только когда глаза привыкли к полутьме, он разглядел за столом удивительно маленького человека лет шестидесяти, с выпуклым лбом, глубокими залысинами и густыми кустистыми седыми бровями, под которыми прятались маленькие пронзительные глаза.

– Здравствуйте, батенька! – проговорил этот человек и выкатился из-за стола, потирая маленькие ручки.

Стоя он оказался еще меньше, самый настоящий карлик. Мелкими шагами пересек кабинет, подкатился к Павлу и снизу вверх уставился на него с неприязненным любопытством.

– Вот вы какой! – протянул он и повернулся к безмолвным спутникам Павла: – Что же вы, ребятки, усадите нашего гостя, он, должно быть, устал с дороги!

Две пары сильных рук подхватили Павла, подтащили к креслу, швырнули в него и затянули ремни на руках и ногах. Все вернулось на исходную точку.

Карлик подкатился к Павлу, заинтересованно взглянул на него и промурлыкал, как сытый кот:

– Ну что, батенька, поговорим о жизни, о радостях ее и печалях?

Павел промолчал.

Карлик снова потер ручки и вдруг цепко ухватил пальцами левое веко Павла. Павел мотнул головой, попытался увернуться, но карлик с неожиданной ловкостью кусочком клейкой ленты закрепил веко, соединив его с бровью, так что глаз больше не закрывался. Через секунду он сделал то же самое с правым глазом.

Глаза слезились и невыносимо болели. Павлу мучительно хотелось закрыть их или хотя бы моргнуть, но клейкая лента лишила его такой возможности.

– Ну как, батенька, вам удобно? – участливо поинтересовался карлик, снова потирая свои ручки.

– Идите вы к черту... – выдохнул Павел.

– Ну зачем же так! Мы с вами немножко побеседуем, а уж там решим, кто из нас куда пойдет... причем что-то мне подсказывает, батенька, что к черту из нас двоих пойду не я...

Он приблизился к самому лицу Павла и негромко, доверительно проговорил:

– Ну так что – может быть, вы сразу расскажете мне, кто вы такой, на кого работаете, кто послал вас в Лондон?

– Опять двадцать пять... – протянул Павел. – Мне эта пес-

ня еще у чеченов надоела...

– Это вы зря, батенька! – В голосе карлика прозвучала легкая обида. – Не нужно нас сравнивать! Это даже как-то обидно! Ваши чеченские знакомые, друзья Ахмата Закаева – дикие люди! У них примитивные интересы и примитивные методы! Видел я этого их специалиста по развязыванию языков... тупое животное с двумя извилинами в голове! Конечно, иногда его методы дают результат, но согласитесь – в двадцать первом веке это выглядит как-то несовременно!

Он внимательно оглядел Павла и удовлетворенно произнес:

– Могу только порадоваться, что мои мальчишки успели вовремя, до того как Шамиль с вами поработал. После него люди превращаются в никуда не годный отработанный материал, а с вами пока можно продуктивно работать...

Карлик снова потер ручки и жизнерадостно воскликнул:
– Ну-с, батенька, приступим!

Он щелкнул выключателем, и лампы на стойке вспыхнули.

В незащитные глаза Павла хлынул безжалостный и ошеломляющий белый свет. Этот свет проник прямо в мозг, казалось, он сжигает все на своем пути – разум, волю, память. Павел начал терять сознание, ему снова казалось, что он бежит по лестнице, открывает дверь и оказывается в залитом кровью коридоре...

Свет погас, но Павел еще долго ничего не видел. Перед

его глазами кружились словно два черных солнца – негативы ослепительных ламп, которые едва не выжгли его мозг...

– Ну что же, батенька, вы готовы к продуктивному обмену мнениями? – прозвучал где-то совсем близко негромкий заботливый голос. – Для начала мне хотелось бы знать, на кого вы работаете... на Патрушева? На англичан? На американцев?

– На хорватскую фирму «Задруж», – выдавил из себя Павел, с трудом шевеля распухшим, жестким, как наждак, языком. – Маломерные суда... катера и яхты.

– Ну зачем же вы так? – почти доброжелательно произнес карлик. – Вы отлично знаете, что говорить все равно придется. Ведь мы, батенька, профессионалы...

Зрение Павла постепенно восстанавливалось, из цветного тумана перед его измученными глазами проступил силуэт маленького человека с густыми бровями. Пока это был только неясный контур, словно вырезанный маникюрными ножницами из черной бумаги.

– Как... как вас зовут? – едва слышным голосом спросил Павел.

– А зачем вам это, батенька? – Кустистые брови недоуменно поползли вверх. – Не все ли вам равно? Впрочем, если вам хочется, можете называть меня Порфирием Петровичем! – И он тихонько засмеялся. – Люблю литературные ассоциации!

Он потер маленькие ручки и предложил:

– Давайте баш на баш! Я вам представился, так уж и вы

назовите свое имя, а то, согласитесь, как-то неудобно получается!

– Если вы – Порфирий Петрович, то тогда я – Родион... Родион Романович.

– Родион Романович Раскольников, как я понимаю? – Карлик снова усмехнулся. – Ценю ваше чувство юмора! Хотя вы на Раскольникова совершенно не похожи. Нисколько не похожи, батенька! Родион Романович очень ценил собственную драгоценную особу, ради нее он готов был жертвовать другими людьми, а вы жертвуете собой ради неизвестных и бессмысленных ценностей... Ради кого вы так страдаете, батенька? На кого вы работаете? – Он снова склонился над Павлом и прошипел, на этот раз не скрывая раздражения: – Все равно скажешь, щенок! Никуда не денешься!

Щелчок выключателя – и снова поток белого невыносимого света, мощный удар света в измученные глаза, в мозг, прямо в душу. Свет ударил, как нокаутирующий кулак, смяв волю, смяв сознание, смяв человеческую сущность Павла...

Он услышал чей-то хриплый, страдальческий крик: «Нет! Нет! Выключите!» – и не сразу понял, что это сам он кричит, пытаясь уклониться, укрыться от невыносимого сияния...

Свет погас так же неожиданно, как вспыхнул, и снова раздался вкрадчивый, елеинный голос карлика:

– Ну как, батенька, вы не придумали ничего более интересного? На кого вы в действительности работаете?

– Фирма «Задруж», Хорватия... гибкая система скидок...

особые условия для постоянных клиентов...

– Нет, дорогой мой, вы неисправимы! Какая там Хорватия? Уже то имя, которое вы себе избрали в качестве псевдонима, говорит о том, что мы с вами соотечественники! Какому хорвату придет в голову назвать себя Родионом Романовичем? Нет, батенька, пора сказать мне правду! Кто вас послал – Патрушев? Это он решил повесить убийство перебежчика на своих бывших коллег?

– Бывших коллег? – переспросил Павел, пытаясь не потерять ускользающее сознание, пытаясь выловить крупницы информации в окружающем безумии.

– Ну да! – раздраженно отозвался карлик. – А за кого вы нас принимали? За общество почитателей матери Терезы? За лондонский клуб филателистов? Когда-то все мы работали в Комитете, или в ГРУ, или в других спецподразделениях, но стали кому-то неудобны, не вписались в новые обстоятельства, не смогли поступиться своими принципами... но это не значит, что мы вышли из игры!

Голос карлика окреп, в нем зазвучали привычная обида и самоуверенность:

– Мы еще покажем новым хозяевам страны, на что способны! Мы еще покажем, на чьей стороне сила!

«Вот кто это такие! – понял Павел. – Бывшие сотрудники спецслужб... одна из тех тайных организаций, которую упоминают в связи с делом Литовченко... они, видите ли, решили посчитаться с перебежчиком, отомстить... но зачем он

сказал мне это? Почему он раскрыл передо мной свои карты?»

И тут же он ответил себе: разумеется, потому что живым его из этой комнаты не выпустят.

– И теперь они хотят обвинить нас в убийстве Литовченко и натравить на нас Скотленд-Ярд! Хотят убрать нас руками англичан!

Карлик неожиданно замолчал, видимо, посчитав, что и так наговорил много лишнего, и продолжил совсем другим голосом – мягким и вкрадчивым:

– Вот видите, батенька, я был с вами откровенным... я сказал вам правду. Опасную правду. Так что теперь ваша очередь. Правду за правду – мне кажется, это вполне справедливо.

– Вам кажется справедливым такое положение, когда я связан, беспомощен, даже не могу закрыть глаза?

– Что делать, батенька, что делать! – Карлик притворно вздохнул. – Так устроен мир. Он основан на неравенстве. Так было всегда и так всегда будет. Кто-то сильнее других, кто-то богаче, кто-то умнее. Справедливость, равные возможности – это выдумки слабых. Кто-то связан веревками, как вы, кто-то – своими принципами. В данный момент вы – слабый, поэтому вам придется принять мои правила игры.

Он снова щелкнул выключателем, обрушив на Павла поток нестерпимого света, и выкрикнул дрожащим от ненависти голосом:

– Говори, на кого ты работаешь?

Еще мгновение, понял Павел, и его мозг сгорит в этих ослепительных лучах. Еще мгновение – и он сойдет с ума, его сознание распадется, растает, как льдинка на июльском солнце...

Он напряг все оставшиеся силы, рванулся, пытаясь спрятаться от безжалостного света, укрыться от него, защититься. Ремни намертво прикрепили его руки к подлокотникам, но ему удалось накренить кресло набок, раскатать его, и в следующую секунду тяжелое кресло вместе с ним с грохотом опрокинулось на пол. При этом, падая, кресло зацепило стойку с лампами, она тоже обрушилась, раздался звон бьющегося стекла и еще какой-то треск...

В первый момент Павел осознавал только одно: убийственный свет погас, он больше не вливался в незащитные глаза, не сжигал его мозг. Хотелось лежать, отдыхая и ни о чем не думая, наслаждаясь благодатной полутьмой...

Но в следующее мгновение он осознал, что слышит чей-то глухой стон, и непонятный треск, и еще какие-то подозрительные звуки.

Павел приподнял голову, попытался сконцентрировать сознание, сконцентрировать зрение. Измученные глаза почти ничего не видели, и понадобилось несколько бесконечно долгих секунд, чтобы он наконец разглядел сквозь цветной туман окружающие предметы и понял, что происходит в комнате.

Падая вместе с креслом, он задел стойку с лампами. Стойка, в свою очередь, обрушившись, ударила по голове карлика, который теперь стонал, размазывая по лицу кровь и безуспешно пытаясь подняться на ноги. Кроме того, разбившийся светильник поджег ковер, и теперь густой бежевый ворс горел трескучим оранжевым пламенем.

За дверью слышались приближающиеся шаги и встревоженные голоса.

Времени на раздумья не было.

При падении ноги Павла освободились, однако руки по-прежнему были прикреплены к подлокотникам кресла. Мучительным напряжением он вместе с креслом оторвался от пола и побежал к окну. Спинка кресла торчала перед ним, как таран, и он с разбега высадил ею оконную раму.

Звон бьющегося стекла слился с треском огня и грохотом распахнувшейся за спиной двери. Павел, полусогнутый, с громоздвигшимся над ним креслом, вылетел на балкон. Тяжелое кресло не дало ему возможности быстро затормозить, и он, по инерции продолжая движение, перевалился через балконные перила.

Внизу, под балконом, по узкой улочке проезжал открытый грузовичок, заставленный мебелью. Перевернувшись в воздухе, кресло с привязанным к нему человеком обрушилось прямо в кузов.

– Генри, ты ничего не слышал? – озабоченно проговорила женщина средних лет, сидевшая в кабине рядом с водителем

и прижимавшая к груди переноску, где жмурился пушистый кот. – Мне показалось, что к нам в кузов что-то упало...

– Мэри Энн, – пробурчал ее лысый краснолицый муж, недовольно скосив глаза, – вечно тебе что-то кажется! Я помню, как в восемьдесят шестом году ты рассказывала всем соседям, будто в нашем саду приземлялась летающая тарелка!

– А кто, по-твоему, мог так измять мой куст рододендрона? Ты мне никогда не веришь, Генри! Я считаю, что нам нужно остановиться и проверить содержимое кузова!

– Мэри Энн! – Муж повысил голос и крепче вцепился в руль. – Мы и так потеряли массу времени, пока ты ловила своего кота! Если мы не успеем к семи в Кентиш-Таун, мистер Хендрикс уйдет, и кто тогда поможет мне с расстановкой мебели?

Мэри Энн замолчала, поджав губы, и принялась почесывать сквозь решетку своего кота Перси, который был крайне недоволен переездом.

В кузове маленького грузовичка Павел пошевелился и негромко застонал. Во время падения он потерял сознание, и сейчас оно медленно возвращалось к нему.

Он упал на мягкий диван и поэтому довольно легко отделался. Зато тяжелое кресло при падении ударилось о борт грузовика и раскололось на несколько частей, так что теперь ему удалось отделаться от этих обломков. Только подлокотники по-прежнему были прикреплены ремнями к его пред-

плечьям, но он сумел по частям вытащить их и полностью освободиться.

Следующей его заботой были глаза. Он осторожно отклеил клейкую ленту и наконец смог зажмуриться, смог дать измученным глазам кратковременный отдых...

Он пролежал так несколько минут и вдруг осознал весь ужас своего положения: без денег, без документов, всеми преследуемый... ему ни в коем случае нельзя расслабляться!

Павел сел и ощупал свое тело.

Кроме нескольких ссадин и синяков, он был практически цел.

Грузовичок, в кузове которого он находился, ехал по тихой окраинной улице. Все те же кирпичные английские домики с палисадниками тянулись по обе стороны дороги.

Впереди на проезжую часть неторопливо вышел седой коротконогий джентльмен с таксой.

Водитель грузовичка, как всякий настоящий английский водитель, немедленно затормозил, вежливо пропуская пешехода.

Воспользовавшись вынужденной остановкой, Павел перебрался через задний борт грузовичка, прыгнул на асфальт и торопливо зашагал к перекрестку.

Свернув на соседнюю улицу, он увидел стрелку с большой буквой «М», указывающей дорогу к ближайшему «Макдоналдсу».

Зал закусочной был почти пуст, только два пожилых

джентльмена за угловым столиком горячо обсуждали последний матч «Арсенала» с русской командой, да молодая афробританка в короткой джинсовой юбке лениво возила шваброй по кафельному полу.

Футбольные болельщики, как настоящие британцы, не обратили никакого внимания на мужчину в измятой и окровавленной одежде, который поспешно проскользнул в туалет. Они придерживались типично английского представления, что каждый должен заниматься исключительно собственными делами и не совать нос в чужие. Уборщица выпрямилась, шмыгнула носом и проворчала, что этот тип наверняка наследит в туалете и ей придется там снова убирать. Дальше этого несложного умозаключения она не пошла.

Тем временем Павел кое-как отмыл лицо и куртку от крови и грязи, обсушился струей горячего воздуха из электрической сушилки и оглядел себя в зеркале.

Вид был, конечно, ужасный, но, во всяком случае, не такой, как будто он только что совершил массовое убийство. По крайней мере можно было идти по улице, не опасаясь полицейских. Он стянул со столика брошенные кем-то дешевенькие темные очки и вышел на улицу.

До галереи Тейт он доехал на метро – там его внешний вид никого не интересовал. Чтобы войти, пришлось перепрыгнуть турникет, но так делали почти все темнокожие парни, так что опять-таки его поступок ни у кого не вызвал удивле-

ния.

Все тело болело от побоев, к счастью, на лице синяки пока не проступили. Подходя к галерее, он пригладил волосы и почувствовал на затылке огромную, очень болезненную шишку. Темные очки на входе пришлось снять – как бы за террориста не приняли, англичане сейчас настороже. Захотят проверить документы, а ему и предъявить нечего – бумажник остался в руках у чеченцев.

Большую часть галереи занимала грандиозная коллекция обожаемого всеми британцами Джозефа Уильяма Тёрнера. Огромные залы были увешаны картинами, изображающими море. Море в самых разных видах, море при самом различном освещении. Море утреннее и море вечернее, море спокойное, море бушующее, буря на море и глубокий штиль, волны, разбивающиеся о риф, тонущие корабли, одинокая шлюпка в бескрайних просторах океана...

Через десять минут от морских пейзажей зарябило в глазах, и Павел невольно убыстрил шаг. Однако тут же поймал на себе взгляд служителя – полного чернокожего мужчины средних лет, одетого в строгий темный костюм. Служитель смотрел настороженно, он встал со стула и уже взялся рукой за переговорное устройство. Павел улыбнулся ему как можно беззаботнее, замедлил движение и долго любовался очередным кораблекрушением.

Он прошел еще несколько полупустых залов и подумал ехидно, что англичане относятся трепетно к своему Тёрне-

ру только на словах. Впрочем, мысли эти были мимолетные и поверхностные, на самом деле мозг сверлила только одна мысль: что он будет делать, если не застанет сейчас старика? Ему срочно нужны другие документы, и деньги тоже. В ту гостиницу, где он остановился, соваться никак нельзя, его там уже караулят. Чеченцы или английские полицейские, или эти – ветераны спецслужб, или же и вовсе темные личности, у него не было времени разобраться, кто еще придет по его душу.

Он вошел в следующее помещение. Небольшой зал без окон был пуст. Со стен смотрели на Павла картины Тёрнера. В углу изящно изогнулась на стуле женская фигура, одетая в строгий темно-оливковый костюм. Павлу видны были смуглая щека и черные волосы, свободной волной спадающие на спину.

«Пакистанка», – подумал он.

Увидев посетителя, девушка шевельнулась, и по залу поплыл терпкий запах ее духов. Она встала и подошла к нему, двигаясь с кошачьей грацией. Была она невысока ростом и сложена пропорционально, как древняя статуэтка. Большие, чуть раскосые глаза смотрели внимательно, хотя и настороженно.

«Филиппинка», – подумал он и спросил с улыбкой, где он может увидеть картину Тёрнера «Пылающий закат»?

Из-за помятой одежды и разбитой головы улыбка, надо думать, получилась не слишком обаятельной, но девушка от-

неслась к нему с доверием и показала на проход в следующий зал:

– Вы почти у цели, сэр!

Слава тебе, Господи, старик сидел на бархатном диванчике прямо напротив чертова «Пылающего заката». Павел сделал к нему несколько шагов и остановился, пораженный. Старик сидел, откинувшись назад и опираясь на стену. Но поза его была слишком расслабленной. Казалось, что для этого человека остались позади все неприятности и заботы. Живые так не сидят, понял Павел. Затаив дыхание, он подошел ближе. Пришлось сесть рядом, чтобы девчонка из соседнего зала не заметила неладное раньше времени.

Глаза старика были открыты и смотрели прямо перед собой, остановившись, рука была еще теплой.

«Чем они его? – думал Павел. – Незаметно укололи в толпе? Тогда он не дошел бы до музея. И кто его так? Чеченцы? Эти не смогли бы сделать все тихо. Подручные карлика? Эти бы, конечно, смогли, но здесь старик не подпустил бы никого подозрительного близко к себе. Черт, как неудачно все...»

Карманы дорогого пиджака из мягкой ворсистой ткани были вывернуты. Понятно – убили и обыскали. Павел понял, что нужно немедленно уходить. Тело качнулось, он устроил его поудобнее и, уже уходя, бросил на мертвеца последний взгляд.

Что-то едва заметно блеснуло под диванчиком. Павел наклонился и поднял обычный пластмассовый кружок с циф-

рами. Номерок. Ну да, старик же был в пальто. Он разделся внизу, оставил в гардеробе пальто, зонтик и шляпу.

– У вас все в порядке? – В дверях стояла филиппинка.

Проходя мимо нее, Павел раздвинул губы в улыбку. Она ответила одними глазами, потом неуверенно шагнула к старику.

– Сэр, вам плохо? – настойчиво спросила она.

За время, которое понадобилось девушке, чтобы разобратся в ситуации, Павел отмахал половину пути до выхода. Галерея кажется вовсе не такой большой, если не пялиться на одинаковые морские пейзажи, а идти хорошим спортивным шагом.

Он не боялся преследования музейных властей. По инструкции девчонка вызовет сначала своего непосредственного начальника, тот вызовет своего, и так они будут долго подниматься по служебной лестнице, пока не дойдут до того человека, который возьмет на себя ответственность. На теле старика нет никаких видимых повреждений, сочтут, что пожилому человеку стало плохо от большого количества Тёрнера и он умер на месте от сердечного приступа. Им главное, чтобы посетители музея ничего не заметили и не разволновались.

Никто не окликнул его, ни один служитель не выглядел обеспокоенным, никто не пользовался переговорным устройством, Павел спокойно спустился вниз.

Ему повезло, как раз прибыла на автобусе большая групп-

па немецких пенсионеров. Самое время для старичков – не сезон, везде скидки, вот и раскатывают по Европе. Немцы мигом заполнили весь холл, шумели, громко переговаривались, обмениваясь впечатлениями. В гардероб выстроилась очередь. Павел подал упавший зонтик дородной старухе в клетчатой шляпе, улыбнулся и заговорил по-немецки с ее мужем, спросил его, первый ли раз он в Лондоне и какое впечатление произвела на него английская столица. Так, мило болтая, они медленно двигались к девушке за стойкой гардероба. Она слегка ошалела от шума и обилия посетителей и только торопливо совала номерки в протянутые руки. В этом гардеробе одежда не висела на плечиках, а лежала, аккуратно сложенная, в отдельных секциях, так что девушка просто сунула ему сверток, не отметив тот факт, что дорогое кашемировое пальто не очень сочетается с помятой физиономией и разбитыми губами.

Он поскорее ввинтился в толпу шумных немцев и отошел в сторону. Как ни странно, пальто оказалось ему впору. Здесь не стоило долго оставаться, и Павел торопливо вышел из музея, спустился по широким ступеням и зашагал в сторону от толпы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.